

Элен Коль

Я люблю свой велосипед

молодая бесцеремонность
секреты жительниц Берлина

секреты большого города

Секреты большого города

Элен Коль

**Я люблю свой велосипед.
Молодая бесцеремонность.
Секреты жительниц Берлина**

«РИПОЛ Классик»

2011

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-4

Коль Э.

Я люблю свой велосипед. Молодая бесцеремонность.
Секреты жительниц Берлина / Э. Коль — «РИПОЛ
Классик», 2011 — (Секреты большого города)

ISBN 978-5-386-09609-0

Берлин – мировой культурный центр, город в состоянии непрерывного движения и поиска. Твой личный гид приглашает совершить захватывающее и многообещающее путешествие по Берлину, по этому Эльдорадо бесконечных ночей и праздников, по многоликому и веселому Вавилону.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-4

ISBN 978-5-386-09609-0

© Коль Э., 2011
© РИПОЛ Классик, 2011

Содержание

Введение	6
Клетка открыта	8
Почистим перышки!	10
Сарказм «Голубого ангела»	14
Королева ночи	16
Женщины из тени	20
Самая неприступная дверь в мире	21
Инки заставляют танцевать Берлин	23
Из колыбели сразу в клуб	25
Дресс-код по-берлински	27
Футбол, моя любовь	30
Проход запрещен	32
Ты прав, Таторт	34
Неуемные бунтарки	36
Симфония для курочек в ЖЕМЧУГАХ	39
Я побывала на ланч-концерте в Филармонии	41
Я посетила желтый ланч-концерт	43
Питер Пэн – берлинец	45
Я должна была быть кассиршей	49
Антибум на рынке недвижимости	50
«Праздные» будни фриланса	53
На заметку	56
Свод необходимых правил и требований для тех, кто собирается посетить вечеринки Bohème sauvage	56
Танцевальные залы	57
Несколько типичных баров, недорогих и не самых модных, но в которых все еще вибрирует душа старого Берлина	57
Бары, «как дома», где можно провести целый день	59
Где провести время?	60
И еще несколько значных мест...	61
Бары на пляжах Берлина	63
Ночные клубы	63
Жертва моды? Пеняй на себя	66
Стиль в Берлине	69
Чудаки в обычной жизни	73
Триумф винтажа	75
Обувь без каблучков – мой ВЫБОР	77
Мягкие туфли госпожи графини	79
Можно ли им доверить свою голову?	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Элен Коль

Я люблю свой велосипед. Молодая бесцеремонность. Секреты жительниц Берлина

Ich bin, Gott sei Dank, Berlinerin!

Слава богу, я живу в Берлине

Марлен Дитрих

Hélène Kohl

Une vie de Pintade à Berlin

portraits piquants des Berlinoises

Copyright © Calmann-Lévy, 2011

© Озерская Н. И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

Введение

Carte de Berlin

«Чтобы создать портрет птицы, обрисуйте сначала ее клетку». В Берлине эти слова Жака Превера не возымеют своего действия. Только в том случае, если вы застанете цыпочку с берегов Шпрее в полете, с расправленными на ветру крыльями, вы сможете в полной мере ощутить, что она собой представляет. За ее плечами целый век диктатуры, и теперь берлинка жаждет свободы, простора, терпимости и даже безумств.

Чтобы проникнуть в тайны существования цыпочек из берлинского вольера, потребуется приложить немало усилий. Моя охота на них длится с 2003 года, и, к моей великой радости, социологическое сафари в метрополии, площадь которой в восемь раз превышает Париж, все еще продолжается. С какой же точки открывается самый лучший обзор? Может быть, на птичьих дворах эмигрантских кварталов, где в дешевых лавчонках молодые турчанки, ливанки и персиянки роются в грудах маек и футболок из синтетического волокна в надежде отыскать головной платок, подходящий по цвету к их маникюру? Или на востоке Берлина, за линией городской железной дороги *S-Bahn*, опоясывающей центр столицы, где 40 процентов семей живут за чертой бедности? Или в модных кафе, за обедом с непременно игристым вином в компании молодых либералок, строящих планы, как превратить сто-

лицу с 60-миллиардным долгом в рентабельный город, и не скрывающих своего презрения по отношению к безынициативным и ленивым представителям творческой элиты? А может быть, на манифестациях, в гуще разношерстной и многонациональной толпы – стареющие хиппи, косматые двадцатилетние антиглобалисты с пирсингом, целые батальоны феминисток с ежиком на голове и без бюстгалтеров, – толпы, которая пытается отстоять право на самовольный захват пустующих квартир, защитить незаконные бары и деревни на колесах, где они живут коммуной, в центре столицы самого богатого государства Европы?

Итак, приглашаю вас совершить захватывающее и многообещающее путешествие по Берлину, по этому эльдорадо нескончаемых ночей и праздников, по многоликому и веселому Вавилону. Обещаю вам потрясающие встречи: с женщиной, достигшей высшего пилотажа в сексе, не вполне проснувшейся девушкой-диджеем, лесбиянкой – фанаткой кудряшек и бигуди... А можно предаться и более экстремальным развлечениям: оставить, к примеру, свое бикини в раздевалке сауны, задумавшись, правда, о том, что это для вас равносильно родам без анестезии; поддержать и ободрить футбольный клуб металлистов; без сожаления расстаться со своей туникой от *Kaviar Gauche* (на которую вы так долго копили, откладывая понемножку), чтобы соблазнить вышибалу в татуировках из модного танцзала, где вы танцевали в этом году. Ведь завтра, вследствие перепродажи недвижимости, сноса старых заводов, обновления пространств, вам, может быть, придется танцевать в другом месте. Берлин – это город, находящийся в непрерывном движении, поиске, в постоянном расширении своих границ...

И в этом бурном, изменчивом Берлине цыпочки знают, как развлечься! В опьянении свободы и полета! Но даже не пытайтесь подрезать им крылья. Вот тогда, нахохлившись, они широко раскроют клюв, чтобы побольнее вас ущипнуть, оцарапать когтями своих лапок. В этом случае цыпочки идут напролом, как бульдозер. На фронте одной церкви я недавно заметила надпись, выгравированную на камне: «Я ничего не боюсь». Она и стала девизом берлинок, которые могли бы добавить, что их ничто не остановит, как бы ни относились сторонние силы к их проектам, желаниям и страстям. Они пойдут напролом, даже если пришлось бы еще раз кирпич за кирпичом возводить Берлин, как это уже было после бомбардировок Второй мировой войны. Мужчины его разрушили, а женщины отстроили заново. Это всем известно, и в XXI веке птичник не может не гордиться своими заслугами.

Они часто хвастают тем, чего добились, провозглашая: «Не нужны нам мужчины, обойдемся без них!» Может быть, именно поэтому они так редко бывают элегантными (похоже, им претит изысканность и роскошь туалетов)? Может быть, поэтому их прагматизм сводит на нет любую, даже самую слабую попытку с иронией воспринимать окружающий мир или продолжать образование? И не по этой ли причине они так безапелляционны и резки в суждениях?

Да, мимоходом, сами того не желая, эти невежи могут затронуть ваши принципы, память ваши юбки и наступить на ваши изящные туфельки. Но посмотрели бы вы на них, когда летним вечером на берегу Ландверканала они с подружками устраивают пикник. Стоит в нем принять участие. И тогда вы увидите, сколько в них благородства, великодушия и щедрости. Как они откровенны и в хорошем и плохом, и с какой готовностью они пригласят вас разделить с ними жизнь цыпочек в Берлине.

Клетка открыта

Почистим перышки!

Чтобы проникнуть в святая святых, в душу берлинки, и заглянуть в ее сердце, я провела 35 минут в парикмахерской под сушилкой, с головой, покрытой чуть ли не тридцатью бигуди; и как же это было больно, особенно на затылке, где самые коротки волосы! Прическа для жительницы Берлина – это именно тот Сезам, который открывает двери в мир ночной жизни и погружает в атмосферу самых тенденциозных и самых берлинских по духу праздников наших дней. Эти ежемесячно устраиваемые праздники, называемые *Bohème sauvage*, возродились в ошеломляюще огромных залах с куполами, зеркалами и будуарами, в залах с расслабляющей атмосферой, где время остановилось в 1933-м. Ледяная зима фашизма и эпоха «холодной войны» с ее Берлинской стеной, казалось, всё заморозили навеки. Но несколько лет назад жительницы Берлина всё вернули на круги своя, и именно с того момента, когда праздники были прерваны. Сейчас Берлин переживает сумасшедшие дни.

Юта Якобс, великая жрица чарльстона, с удесятеренной энергией вцепляется в мои волосы: «Сядь, наклони голову, отправляйся на 10 минут под сушилку!» Ее внешность заправской байкерши и квадратные плечи водительницы грузовика лишают желания сопротивляться. При любой попытке возражения пятидесятилетняя дама с рыжими косами тевтонской воительницы щелкает вас пальцем по затылку, вопрошая: «Кто здесь художник? Я!»

Считается, что именно она способна сотворить на голове самое невиданное и гламурное чудо, которое бы вызвало зависть Греты Гарбо и Марлен Дитрих, вместе взятых.

«О, моя дорогая, какая укладка, какие локоны, это великолепно!» К счастью, есть Эрна, которая служит противовесом грубоватой манере Юты (Эрна – очень старое берлинское женское имя). При росте метр восемьдесят пять она кружит по салону, и дрожащие бигуди, на которые накручены длинные волосы, танцуют на ее голове дьявольский френч-канкан. Эрна забыла лак, какой ужас! Эрна всегда опаздывает! О ля-ля. Но ведь та же Эрна распевает песенки начала прошлого века, и все заканчивается взрывом хохота. «Мамочка, вот человек на деревянной ноге, я хочу кокс, ты хочешь кокс, но у нас нет денег, тра-ла-ла». Я уж не говорю о том, что Эрна находит меня потрясающей, когда я вышла из-под фена, и сказочно прекрасной после того, как Юта водрузила мне на голову шляпку с вуалеткой.

Одно небольшое уточнение: Эрна – мужчина. Но разве это имеет значение в салоне Юты, где всегда царит атмосфера декадентского праздничного вечера? Мою соседку по сушилке для волос зовут Мардита. Она немного танцовщица, немного стриптизерша и занимается постановкой порнографических спектаклей. С моим послужным списком журналиста я имею перед ней довольно бледный вид. «О, Мардита, дорогая, я бы все отдал, чтобы иметь твой фарфоровый цвет лица!» – восклицает Эрна. «Ну, что ты такое говоришь! В субботу во время моего спектакля три четверти парней кричали, что есть сил: “Эй, ты что, не знаешь, что существуют солярии?”». – «Не обращай внимания, ты – само совершенство! *Schatz!* (сокровище)».

И вот, как по мановению волшебной палочки, я покидаю 2010-й с его кризисами, потеплением климата и жительницами Берлина, столь жадными до комплиментов, но измученными сорока годами радикального феминизма, который принуждал их отказаться от своей женственности (от причесок и макияжа, от высоких каблуков и женских велосипедов). Надев черные перчатки, я с наслаждением погружаюсь в мифический Берлин 1920-х годов.

«Мифический? А почему мифический? Люди просто хотят веселиться, и все!» Ну, что же! Юта меня всегда поддержит. Настоящая и, как водится, немного ворчливая берлинка, одна из тех, кого не застанешь врасплох хлесткой фразой или журналистскими трюками... Она специализируется на эксцентричных стрижках и прическах в стиле рококо, Бель эпок, Ренессанса и даже в стиле рокабилли 1950–1960 годов. Начиная с 1983-го весь ночной Берлин побывал в ее квартире. Мытье головы происходит в ванной комнате, стрижка – возле камина в салоне, а сушка волос с неременной болтовней – в углу столовой. «Я испекла сливовый пирог, сейчас, Элен, я накручу твои волосы на бигуди, а потом мы передохнем». – «*Jawohl, Herr Kolonel!*» («Так точно, господин полковник!») И как всегда, рядом Эрна, готовая разрядить обстановку: «А не приготовить ли мне взбитые сливки? Да, именно, взбитые сливки!» И через мгновение английские локоны уже мечутся возле холодильника.

Идея перекусить кремом шантильи сразу же привела Юту в восторг: «Что мне нравится в наше время, так это то, что все кажется возможным». А не то же ли самое говорили о Берлине сразу после крушения Стены? И не впадает ли Юта в другую крайность, повторяя вслед за остальными ставшую избитой фразу о том, что город, по всей видимости, переживает второй период своего золотого века? «Демократия после диктатуры, сначала прусских императоров, а потом коммунистов. Мир после войны, далее первый мировой конфликт или “холодная война”... Кризис, чувство, что танцуешь в кратере вулкана. Они не могут оставить равнодушными, эти аналогии!» И вот Юта становится сентиментальной. Ее огромная грудь колыхается под ковбойской рубашкой в голубую клетку. «Я прожила в Берлине семидесятые, восьмидесятые, девяностые и двухтысячные годы, и сегодня он стал еще более сумасшедшим, более притягательным, если не самым впечатляющим и магическим городом. Сплав энергий, талантов. Вау! И всем этим мы обязаны тому, что однажды ноябрьским вечером Стена пала, но при этом не было пролито ни единой капли крови. И это чудо. Да и сам Берлин – это тоже чудо!»

Эрна, дитя ночи, завсегдатай (завсегдательница?) кабаре и варьете, не может удержаться от того, чтобы не вставить несколько слов: «Как и в двадцатые годы, сюда приезжают артисты из всех стран. В городе такая дешевизна, а на задних дворах ты найдешь столько совершенно невероятных мест, правда плохо отапливаемых и необжитых, но зато там можно устроить выставку или продемонстрировать свои таланты! Никакого принуждения, никаких ограничений. Ах, если бы век тому назад наркотики были легализованы... Морфий, кокс (кокаин) и т. д., которые распространяли бы, за неимением другой работы, инвалиды войны. Человек с деревянной ногой, тра-ла-ла. Но не думай, я не хочу ничего упустить, поэтому остаюсь трезвой, чистой, как слеза. Никаких искусственных стимуляторов. Мне вполне хватает Берлина».

Юта вновь заговорила командным тоном. Потрепав рукой по бигуди, она выносит вердикт: «Уже сухо, давай я тебя уложу». Я не допила свой кофе, но не произношу ни слова, решив, что так будет лучше.

Bohême sauvage, Fête fatale, Salon Kokett, ночи *Let's Misbehave*, а также и другие праздники, включая бесчисленные милонги¹ — после Буэнос-Айреса именно в Берлине до самозабвения полюбили аргентинское танго... Люди открывают для себя множество самых невероятных мест для танцев, вышедших невредимыми из руин войны, где, особенно в восточных кварталах города, вряд ли когда-нибудь делали ремонт. Это места, куда после 1945 года не ступала нога человека, за исключением групп маргиналов, проникавших в них через дымоходы и вентиляционные отверстия, чтобы устраивать пивные вечеринки под музыку «электро». Бум, бум... Как кардиостимулятор, техномызыка заводи́ла сердце Берлина в 1990-х годах. Эти гигантские рейвы,² организуемые в хранилищах еврейских банков, разграбленных нацистами, сформировали миф о Берлине, который распространился далеко за пределы страны. Но как бы то ни было, на сегодняшних самых модных и самых декадентских вечеринках уже не услышишь ничего подобного. На протяжении последних пяти лет с невероятной быстротой растет количество танцевальных школ, где преподают свинг, чарльстон, ча-ча-ча...

«За пультом Др. Хиршфельд!» — зазывно обещает афиша *Bohême sauvage* с каймой, оформленной в стиле ар-деко. Прикольный диджей для ночи с тысячей сюрпризов. Покер, блэк-джек, рулетка со ставками в миллионах рейхсмарок (инфляция тех лет!), виски, абсент, гетры, монокли, мундштуки, веера и боа, разумеется. И кругом перья, перья! Большой птичник высокого полета! «Здесь невозможно быть слишком хорошо одетым, никакой костюм не будет слишком шикарным, и никакая рюмка не окажется лишней!»

Эльза Эдельсталь выбрала для вечеринки этого месяца черное платье с бахромой, которое замечательно оттеняет ее каре платиновой блондинки. На протяжении четырех лет фройлен Эльза является организатором *Bohême sauvage*, где блистает в роли бесспорной императрицы над взбесившимся вольером. «Мы не хотим, чтобы у нас были разовые посетители. Ведь это не просто праздник, мы таким образом воздаем почести героям ушедших ночей. Раньше это были частные вечеринки, которые мы вместе с сестрой устраивали у нас дома. Впоследствии мы расширили круг, но алхимия возникает только в том случае, если каждый проникнется духом того времени еще до того, как ступит ногой на паркет танцевального зала». И хотя в городе много клубов, заполненных туристами и студентами, занимающимися по программе «Эразмус»³ и пришедшими развлечься, именно позолота, купольные потолки и отблески зеркал в местах, выбранных фройлен Эльзой, являются самым подлин-

¹ Танго-вечеринки. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Полуподпольные тусовки под музыку «техно», на которых в больших количествах употребляются галлюциногены.

³ Некоммерческая программа Евросоюза по обмену студентами и преподавателями стран — членов ЕС, а также Исландии, Лихтенштейна, Македонии, Норвегии и Турции.

ным и ярким воплощением Берлина, которое ощущаешь сразу же, как только сюда попадаешь. Здесь можно встретить людей со всего мира, но также и тех, кто живет в этом городе и настолько любит его, что готов посвятить чуть ли не пару суток в каждом месяце выбору костюма, прически (а что касается господ мужчин, будем благодарны, если они задумаются о форме усов), имени или прозвищу и даже сочинению собственной биографии.

Как легкомысленная девица по образу и подобию героинь из фильма Висконти «Гибель богов», я гордо выступаю рядом с ветераном Фландрской битвы, увешанным, разумеется, медалями. А в это время моя приятельница Луиза д'Арманвиль в шикарной эгретке из перьев на голове, приехавшая в Берлин с визитом из Парижа, завладела вниманием некоего Лантье, докера в лихо надвинутой на лоб фуражке, красноречиво говорящей о его намерениях на этот вечер. Юта, в смокинге и шапокляке, этакая Марлен Дитрих 56-го размера, появилась под руку с Мардитой, одетой в узкое прямое красное платье, немного позже.

В этот раз вечер проходил в зале приемов бывшего здания Прусской императорской почты. В обычное время здесь размещается Родео-клуб, шикарное заведение немногочисленной золотой молодежи Берлина. Декорированный черно-белыми эротическими клише, на которых изображены дамы с алебастровой кожей в жемчужных ожерельях, с бедрами, достигающими размеров XXL, Родео-клуб оказался именно сказочным местом, которое дало возможность совершить путешествие во времени, предложенное вечеринками *Bohème sauvage*. В первую минуту вы не понимаете, что с вами происходит, потому что вы перенеслись на век назад. Все совпадает с атмосферой тех лет, даже ароматы, витающие в воздухе: натертого воском паркета, сигарет без фильтра, набитых темно-коричневым табаком, сахара, подожженного над стаканом абсента.

Я нашла Дорте в маленьком уютном салоне, отделенном от «кинематографического» зала, где демонстрировали немые фильмы Г. В. Пабста и Фрица Ланга. Дорте оказалась единственным более или менее нормальным человеком, которого я сегодня встретила во второй половине дня в салоне Юты. Она не травести, не актриса порнофильмов – у нее обычная работа в одном из коммерческих заведений. В этот вечер она вместе с одиннадцатью подругами взяла приступом танцевальный зал в надежде «погрузиться в новый мир и познакомиться с людьми, которые, как и я, немало потрудились, чтобы пережить уникальные моменты». Ее постигло разочарование? Нисколько! «Я даже и не подозревала, что столько людей в этом городе умеют танцевать чарльстон. На танцполе даже не было места. Все заполнено до отказа!» Было очень жарко, Дорте размахивала веером, а ее угольно-черные ресницы с еще большей скоростью опускались и поднимались. Напротив нее удалой авиатор, затянутый в кожу, в очках, гордо сдвинутых на лоб, казалось, решил наконец ее покорить. Я оставила их одних и отправилась восвояси. Сегодня я вытянула счастливый билет, у которого, надеюсь, еще будет продолжение.

Сарказм «Голубого ангела»

Марлен Дитрих – это наша Арлетти.⁴ Она покоится на кладбище Шёнеберга,⁵ и, честное слово, ее нечасто навещают. Но, вооружившись сарказмом, ее соплеменницы лихо вышагивают по разбитым мостовым ее родного города, города-дома.

С сарказмом, набившим оскомину, демонстрируют, что энтузиазм и восторг они оставляют туристам с их возгласами радости, и уже ничто не может потрясти воображение настоящей берлинки. Взъерошив перышки, настоящая берлинка насмехается над теми, кого захлестывают эмоции, и особенно достается в этом смысле жительницам западной части города, которые формируют образ нового Берлина. Потому что, по словам Юты, ничто не может сравниться с той знаменитой ночью 9 ноября 1989 года – вот это и было *wahnsiin*, то есть настоящее безумие!

Медсестра в роддоме заявляет роженице, с трогательной нежностью смотрящей на своего младенца: «Ну, разумеется, это нормально, что вы находите его красавчиком, ведь это же ваш ребенок. Каждой мамочке свойственно преувеличивать!» Женщина – шофер такси – обращается к пассажирке: «Вы сейчас выходите или дальше? Мне-то все равно, ведь вам же платить». Женщина-полицейский спрашивает даму за рулем при составлении протокола: «Ваша дата рождения. Что вы на меня так смотрите? Уж не думаете ли вы, что я собираюсь прислать вам поздравительную открытку?»

⁴ Арлетти (1898–1992) – знаменитая французская актриса театра и кино, певица. Лучшие фильмы с ее участием: «Дети райка», «День начинается», «За закрытой дверью».

⁵ Район Берлина.

Королева ночи

«А не пора ли вам домой?» – спрашивает Эллен Аллиен в своем последнем альбоме *Dust*, вышедшем в мае 2010 года. Минималистское название ее альбома, навеянного 35-часовым праздником, проходившем в клубе *Bar 25* (закрытом сразу же после его проведения), создает ощущение, будто слышишь, как перекачиваются стальные шары в стеклянной трубе. Ночь и день, день и ночь люди танцевали, пили и опять танцевали. И регулярно в группах друзей кто-нибудь говорил: «А не пора ли вернуться домой?» Самая известная в Берлине женщина-диджей (ее первые альбомы назывались *Stadtkind*, «Берлиночка») – ярчайшее воплощение духа Берлина. Кажется, здесь вообще не ложатся спать! С четверга до утра понедельника. Берлин – это мировая столица праздников. В соответствии со статистическими данными аэропорта Шёнефельд флагмана дисконтных авиакомпаний, около десяти тысяч

туристов прибывают на уик-энд в надежде повеселиться на всю катушку в клубах этого города. Берлинские ночи стали своего рода достопримечательностью, наподобие Бранденбургских ворот или купола Рейхстага, где есть на что посмотреть и где следует непременно побывать. И разумеется, берлинские ночи привлекают не только туристов – горожане являются неперенными участниками этих ночей. И так было и будет всегда. Они танцуют под музыку «электро», заряжающую их энергией. И даже бывший министр обороны Карл-Теодор цу Гуттенберг, знаток искусства, примерный католик, идеальный зять и вообще само совершенство, познакомился со своей женой на празднике техно-музыки.

Сидя в неприлично расслабленной позе на стуле из желтого пластика, приобретенном, разумеется, на одном из блошиных рынков в Мауэр-парке или Трептове, Эллен Аллиен принимает меня, как какая-нибудь дива, в офисе компании основанного ею лейбла *BPitch Control*. Звезда, как и полагается, появилась с опозданием. Непричесанная, без макияжа, казалось, весь ее облик говорил: «Я только что встала, и оставьте меня в покое с вашими глупыми вопросами». Не слишком любезно с ее стороны, особенно в начале нашей беседы. И это ощущение усиливалось жутким давлением, которое оказывала на меня ее пресс-атташе. Но что бы там ни говорили, Эллен Аллиен – звезда. Вот уже на протяжении пятнадцати лет она царит над берлинскими ночами. Диджей, начавшая свою карьеру с постоянных выступлений в техно-клубе *Tresor*. Глава компании, основатель линии модной одежды... Глядя на нее, высокую брюнетку, безуспешно пытающуюся закрутить в пучок спадающую на шею плохо заплетенную косу, сразу же понимаешь, что это сильная женщина. Своими длинными и гибкими мускулами она напоминает львицу на охоте. Да, есть в ней что-то от дикого и опасного животного, и этот образ как нельзя лучше сочетается с именем *Диджейн*, которое здесь дают женщинам-профессионалкам, стоящим за пультом. В джунглях ночей, где господствуют мужчины с повадками Тарзана, нужно быть именно Джейн,⁶ чтобы держать удар. Ей охотно прощаешь простонародные манеры, когда Эллен по-кошачьи вкрадчиво жульничает с датой своего рождения («Когда же это я родилась? В семьдесят седьмом, что ли? Да, в семьдесят седьмом!») – хотя всем известно, что ей уже под сорок) и замечает следы относительно своей сексуальной ориентации. В ее семье три поколения берлинок, три поколения свободных и гордых птиц, поэтому не следует удивляться, что она не так-то легко дается в руки. Эллен – это ее настоящее имя, а Аллиен (два «л», разумеется) воплощает ее ночную идентичность, идентичность великих божеств темных и холодных клубов Берлина периода после падения Стены. Не левом предплечье с внутренней стороны отвратительное чудовище внеземного происхождения тянет свои щупальца, у нее также три голубых пятна за левым ухом, две китайских идеограммы на правом запястье, и, кто бы сомневался, есть и другие татуировки. Но в этот день черные легинсы, бесформенная футболка и поношенные кроссовки скрывают ее худенькое тело.

А потом... потом мы начинаем говорить о Берлине, его музыке, энергии его жителей (которую она называет «вкладом в развитие города»), его истории. И вдруг Эллен теряет всю свою сдержанность, ее даже охватывает энтузиазм. Три стакана воды *Vittel*, и вот она наконец просыпается и, посвежевшая, обретает красноречие. В ней совсем не чувствуется пресыщенности жизнью, и она не относится к тем уроженкам Берлина, которые жалуются на обилие туристов и джентрификацию⁷ центра. «Для меня это здорово! Ведь я живу туристами. Был период, когда клубы были почти пустыми, потому что берлинцы устали от техно. А потом Берлин вдруг стал модным. И именно туристы спасли этот город! Он стал таким притягательным. И я в восторге от того, что сюда приезжают люди. Ведь у города довольно

⁶ Подруга Тарзана

⁷ Джентрификация – реконструкция и обновление строений в прежде нефешенебельных городских кварталах.

невеселая история». Чувствуется, как под футболкой бьется ее сердце, сердце патриотки. И своим патриотизмом она обязана именно Берлину.

Эллен часто говорит, что этот город ее сформировал, потому что сразу же после падения Стены она была одной из первых, кто принялся осваивать старую Восточную часть, она проникала в самые невероятные места, бродила по заброшенным заводам, где так здорово звучало детройтское техно. Не сожалеет ли она об этом периоде, об этом золотом веке пионеров? Часто говорят, что раньше было больше свободы, сумасшествия, первобытности. «Люди просто стали старше, вот и все. Будучи молодыми, они совершали безумства... А потом, в то время нам все было внове. Сегодня во всем больше порядка и структурированности, но это не означает, что нам досталась в удел только упорядоченность. Наоборот. Я считаю, что сейчас мы переживаем лучший период. И раз уж люди приезжают к нам и привносят с собой энергию, мне, в общем-то, безразлично, приехали ли они из Штутгарта, Стамбула, Ирака или США, и безразлично, сколько времени они проведут здесь. Если бы они приезжали исключительно с целью оставить здесь свои деньги, город скоро стал бы скучным. Но это не тот случай. В городе все дешево, и он привлекает людей, которые хотят покорить его, набраться новых впечатлений».

Не менее двадцати раз во время нашей беседы Эллен заговаривала о свободе, потому что свобода для нее – это тот невероятный прорыв духа, который последовал за ноябрем 1989-го, но это также и дыхание последнего десятилетия. «Берлин со всей решительностью готов показать всему миру, что это город, где живут свободными». Вау! Ее утверждение на мгновение парализовало меня, и я сидела как прибитая на грязном канapé старой берлинской квартиры на последнем этаже здания на Ораниенбургерштрассе, где компания Эллен устроила свой штаб. Не слишком радушная Диджейн попала в яблочко. Так оно и есть на самом деле – Берлин предлагает своим жителям возможность жить так, как им хочется. Добавьте к этому дешевое жилье, и вы привлечете сюда «всех артистов, всех оригиналов, всех мужчин со всего света!» (Да и женщин тоже.)

Эллен Аллиен нигде не училась, единственный диплом, который она получила, – это диплом акробатки. Но ей прекрасно известна история женщин ее города, рано вставших на ноги, привыкших к тому, чтобы самостоятельно решать все проблемы. Ее бабушка была одной из тех «женщин разрухи», которые вновь построили Берлин. И в том, чтобы быть женщиной в мужской профессии – основательницей одного из самых знаменитых лейблов в мире, – для нее нет ничего экстраординарного. Она даже взъерошивает перышки, когда приступаешь к этой теме. И уже давно пора прекратить разговоры о том, что она является образцом для подражания для остальных девушек. Ее совсем не соблазняет перспектива флагамена. Так, может быть, поэтому она отрицает всякую возможность ангажированности и использования своей известности на службе у берлинского андеграунда и берлинских ночей, которым угрожают проекты перестройки центра города? «На все на это у меня совершенно нет времени». У артиста, если она женщина, действительно совершенно нет времени на то, чтобы забивать себе голову подобными пустяками. И то же самое относится к линейке ее одежды (оригинальной, непривычной, сексуальной), которая ежегодно отнимает львиную долю бюджета ее компании. Но это ее мало заботит. «*Ellen Allien Fashion* стоит мне столько же, сколько бы я тратила на покупку собственной одежды».

Но зато ее захлестывают эмоции, когда ей приходится защищать золотые правила берлинских ночей, для которых самое большое значение имеет не место проведения, не люди, на них присутствующие, а их продолжительность. Никаких расписаний, никаких сроков закрытия... «Диджеи будут стоять за пультом столько, сколько потребуется, и им придется изыскивать новые формы, открывать новые пространства артистической свободы. Одновременно с этим у людей появится время, чтобы полностью погрузиться в праздник, чтобы расслабиться, поговорить друг с другом. И в этом смысле техно освобождает нас от всяких соци-

альных ограничений, а клубы становятся игровыми площадками для людей, которые, оказавшись вместе, понимают, что имеют одни и те же взгляды на жизнь». И уже покончено с двойственным ограничением – танцы/бар – под тонны децибелов. Современные берлинские клубы имеют теперь пространства на воздухе (о, террасы на берегу Шпрее в клубе *Watergate!*), уютные уголки отдыха, и часто в них открывают рестораны. По утрам в воскресенье в *Panorama Bar* подают кофе с молоком. А если вы хотите встретить настоящих полуночников – завсегдатаев клубов и сливки местной элиты (если повезет, то и Эллен Аллиен с друзьями), – приходить нужно не позднее 13 часов. «А не пора ли вам домой?» Нет!

Женщины из тени

Когда Эна Шнитцельбаумер встает за пульт, она снимает свою футболку и обнажает маленькую крепкую грудь, как две половинки яблока на ее мускулистом теле. Она едва прикрывает ее клейкой лентой шириной в несколько сантиметров. Подъем уровня адреналина в публике обеспечен. На ее выступлениях на танцполе всегда полным-полно народа. Ведь Эна так красива с обритой головой и огромными глазами – пантера, грациозная и гибкая. Королева лесбийских ночей в клубе Кройцберга⁸ в начале своей карьеры, теперь она понемногу выступает повсюду в Европе. Знаменитая? Нет. Но профессионалы признают ее талант. «В Берлине все в той или иной степени диджеи. В любом баре каждый вечер вы можете встретить какого-нибудь сомнительного типа с сумкой виниловых пластинок, который считает, что он способен миксовать. И многие из них действительно отвратительны! Появившись здесь, они почему-то воображают себя новыми гениями электро».

Когда-то Эна решила, что должна быть прагматичной, и таким образом организовывала свою деятельность диджея, чтобы довольствоваться малым и не ждать от жизни подарков. Она начинала свое дело с того, что была агентом других диджеев, а также организовывала вечеринки и фестивали, на которых также обеспечивала и кейтеринг.⁹ «С ума сойти от количества женщин в кулисах берлинских ночей! Мужчины, как правило, на виду у всех, под прожекторами, которые чуть ли не подпаливают им крылья. А кто же позади них? Кто организует клубную жизнь? Девушки!» И это впечатление подтверждается рассказами команды *HBC*, нового модного, гибридного заведения (бар, ресторан, концертный зал, галерея, *ets*), расположенного в самом центре столицы: «Артисты – чаще всего парни. Но ответы на телефонные звонки, продажа билетов, оформление заказов, работа с прессой и даже постановка спектаклей – все это возлагается на женщин!»

Интервью с одной из этих великих жриц, с Андреа Вюнше из *Magnet Music, l'Agence* (с прописной буквой «А», разумеется), которая является одним из самых известных диджеев города. Клуб, состоящий на сто процентов из женщин, расположен в Вейбертвиртшафте, и это не случайно, ведь именно здесь находится самое большое количество крупнейших в Европе предприятий, возглавляемых дамами. Короче говоря, мадам Вюнше видела в своем бюро самых лучших представителей элиты берлинского техно. «Есть много женщин-диджеев, и их становится все больше. Но, по примеру Эллен Аллиен, они с большей ответственностью относятся к своей работе, чем мужчины. Диверсифицируя свою деятельность, они составляют альбомы, основывают собственные лейблы, оставляя, таким образом, свой след в истории». Прагматичные до кончиков ногтей, которые они часто грызут, потому что длинными коготками можно испортить винил пластинок, а времени посетить маникюршу между пересадками на очередные авиарейсы у них просто нет. Что и говорить, настоящие берлинки эти Диджейн!

⁸ Район Берлина.

⁹ Организация выездных банкетов, фуршетов и т. д.

Самая неприступная дверь в мире

Весь Берлин трепещет перед ним. Свен Марквардт – людоед из сказок про фей, Синяя Борода с тысячью пирсингов, граф Дракула в облике боксера с покрытым татуировками лицом, суровым взглядом черных глаз, сжатыми челюстями и ледяной миной. Весь Берлин? Да что я говорю? Весь мир! Считается, что ежедневно около полутора тысячам туристов удастся по вечерам проникнуть в холодный храм, в святилище, признанное лучшим клубом мира. И стольким же отказано в его посещении. Свен не любит туристические группы. В *Berghain* заходят, чтобы от души повеселиться, а не для того, чтобы набраться впечатлений, которыми по возвращении поделишься с мамочкой. Город, туристические справочники, Интернет переполнены слухами о причудах физиономиста, чья импозантная, крепко сбитая фигура сделала столько же для планетарной популярности «Бергхайна», сколько и его уникальная акустика.

Еще с незапамятных времен мы отправлялись в ночные заведения с развевающимися на ветру волосами и в кроссовках на ногах. А иногда и в вечерних туалетах, потому что только что побывали на концерте и было бы смешно отправляться домой переодеваться: в те времена клуб *Tresor* находился в двух шагах от Филармонии. Сегодня ничего не изменилось, обязательного дресс-кода при входе в берлинские клубы нет, но при приближении быстрым шагом в голубой ночи к этим современным храмам появилось новое ощущение: а вдруг не позволят войти? По мере того как Берлин становился модной столицей, появились новые существа, неизвестные нам доныне: вышибалы! Став популярными сразу же после падения Стены, берлинские ночи вошли в легенду именно потому, что всем позволялось на них присутствовать. Это было смешение людей, рас, это было как утопия, и казалось, что отныне все возможно... Спустя двадцать лет берлинская легенда все еще живет... хотя сегодня именно потому, что двери открываются не перед всеми.

«Говорим по-немецки, ОК?» В голосе Аны, завсегдатая ночных заведений, по мере нашего приближения к владениям Свена слышатся нотки беспокойства. Нас четверо (не советуем собираться большими группами, которые тут же отправляются на экскурсию по клубу), из которых двое – работающие в Германии французы. Ана одета в джинсы и обтягивающую майку, ее волосы, которыми она сексуально встряхивает, как в рекламе шампуня, рассыпаны по плечам. По крайней мере, в этом *Berghain* придерживается правила, общего для всех клубов: девушки пользуются преимуществом при входе. Ана это знает, но считает нелишним напомнить о гендерной принадлежности еще раз. Количество сексуальных леди в мини-юбках поражает. И это удивительное зрелище для Берлина. Оказавшись внутри, сразу же понимаешь, что о существовании каких-либо приличий перед алтарем этого вечного праздника следует забыть: нет, например, зеркал в единых для всех туалетах, не разделенных на мужской и дамский... Невозможно подправить макияж. Вокруг раскрасневшиеся лица, мокрые от пота и прилипшие к голове волосы, грязная обувь. Но все это не имеет никакого значения. Все, что происходит за стенами бывшей электростанции, никогда не выйдет наружу. Фотоаппараты запрещены. Попробуйте только расчехлить мобильный телефон, вас сразу же выставят за дверь. По Интернету циркулируют какие-то кадры, снятые тайком, но эти несколько минут съемки не дают никакого представления о том, что здесь происходит. Чтобы приобщиться к этой тайне, сюда нужно проникнуть и пройти мимо Свена. «В один из выходных дней он может тебя пропустить, а вот в следующий раз ты можешь оказаться перед закрытой дверью. Здесь Свен все решает. Каждую ночь, в зависимости от сиюминутного настроения, он приступает к сортировке, выбору, к своему любимому занятию. Списков VIP-клиентов не существует. Только диджеи, выступающие в эту ночь, могут пригласить с собой несколько человек, которым, тем не менее, придется заплатить за вход», – рассказы-

вает Блуди Мэри, Диджейн, работающая под лейблом *Sender*, которая сама уже не уверена в своих возможностях. Перед бандитской миной Марквардта все равны. Это и есть воплощение истинной демократии ночи. Хотя напряжение в очереди может нарастать, никто и никогда не подвергает критике решений Свена, когда он говорит «нет». «У него, наверное, свои основания не пропускать нас. Может быть, много геев в этот вечер или очень много народа, ничего страшного, придем в следующий раз». Демонстрация полного и безоговорочного уважения к Чудовищу. И в любом случае, сюда всегда возвращаются. «Этот клуб – наркотик. Он электризует тебя, потолки 14-метровой высоты, ты этого больше нигде не увидишь. Но что особенно поражает, так это смешение людей. Молодые, старые, много геев, но и немало девиц, здесь встретишь берлинцев, туристов, звезд, маргиналов всех мастей. Это какая-то отдельная планета со своим населением, меняющимся раз от раза. Все остальное не имеет никакого значения. Не имеет никакого значения мир, существующий за его стенами, время также не идет в расчет. И раз уж ты сюда попал, ты можешь делать все что угодно, и никто тебя не осудит! В толпе в совместных туалетах ты можешь купить несколько таблеток экстази, можешь нюхать кокаин, примостившись на углу барной стойки, в темном алькове можно заниматься любовью, несмотря на то что несколько парней наблюдают за парочкой», – рассказывает в порыве восторга одна наша приятельница, фанатично преданная клубу, которая проводит здесь почти все воскресенья. А какие незабываемые выходные можно провести в *Panorama Bar*, расположенном на одном из этажей «Бергхайма»!

Туристы уже отправились восвояси и теперь дремлют в зале вылетов аэропорта Шёнефельд. Завтра утром эта «раскрепощенная мировая элита» заполнит офисы компаний в Милане, Женеве, Осло, Париже или Дублине. Ушел даже Свен Марквардт – спать или, может быть, танцевать... И только молодежь все прибывает, хотя ей уже не приходится стоять в очереди. Часов в семь или шесть утра в очереди придется провести не менее 30 минут, а в самый разгар праздника – около полуночи, – когда *Berghain* заполняют тысячи посетителей, очередь отнимет у вас не менее полутора часов. По воскресеньям в клубе от 500 до 600 человек, но несмотря на скопление народу и уровень децибелов, чувствуешь, как люди проникаются некой доверительностью по отношению к друг другу, а атмосфера праздника вполне конфиденциальная. Можно выйти и перекусить на вокзале рядом с клубом и потом вернуться. Подручные Свена не забудут, что они вас выпустили. Люди выглядят необыкновенно свежими, несмотря на эксцессы предыдущих часов, не ощущается также духоты и дышится легко – разумеется, благодаря высоте потолков. «Когда возвращаешься в 10 часов утра после отлично проведенной ночи, не нуждаешься ни в каких стимуляторах», – заверяет меня моя подруга, бьющая через край энергия которой уже не требует никаких доказательств. Большинство праздников заканчиваются в «Бергхайне» в 20 часов, но иногда, когда отмечают день рождения диджея, веселье затягивается до понедельника. Да здравствует четверг, когда клуб вновь откроет свои двери!

Инки заставляют танцевать Берлин

Не спрашивайте меня, как такое произошло, что в один прекрасный день 1924 года южноамериканское растение (я говорю о мате) оказалось в рецепте немецкого доктора, который разработал напиток в противовес кока-коле. И вот на протяжении двух-трех последних лет берлинцы вновь открыли для себя «Клуб-Мате», лимонад с большим количеством кофеина и в два раза менее сладкий, чем классическая содовая вода. Итак, «Клуб-Мате», вперед! Помогите нам пережить ночь с помощью твоих коктейлей («Ром-Мате», *Tschunk*, «Джин-Мате» и «Водка-Мате» – самый популярный в наши дни), коктейлей, которые мы выпьем на танцполе вместо утреннего кофе, особенно если нам предстоит рабочий день. Короче говоря, «Клуб-Мате» с этикеткой, на которой выбит гаучо в голубом (наверняка, дружок цыганки с сигаретных пачек), составляет достойную конкуренцию «Бионаду» в качестве хипнапика; особенно нас впечатляет не оставляющая сомнений гарантия, что он сделан на основе натуральных продуктов. «В мой состав входят растения, и к тому же я изготовлен на баварской семейной пивоварне». Его возрождение означает смерть *Redd Bull*, который все еще входит в состав некоторых коктейлей, но, кажется, уже окончательно потерял былую славу. Ну а кроме этого, что пьют вечерами? Одна моя приятельница, которая содержит бар в клубе *Watergate*, готовит главным образом лонгдрипки¹⁰ (особенно для девушек), а также джин-

¹⁰ Коктейли, которые подают в бокалах большого объема: от 150 до 400 мл.

тоник, водку-тоник и водку с лимонным соком. Но пальму первенства в берлинских барах по-прежнему держит пиво, утоляющее жажду (и оно в два-три раза дешевле). Вне клубов, особенно на импровизированных пляжах Шпрее, весьма ценятся кайпиринхас (крепкий коктейль с ромом) и мохито.

Из колыбели сразу в клуб

Дзинь! Мой компьютер сообщает, что я получила письмо: «Здравствуйте! В воскресенье Фриде исполняется год, и она бы была рада, если бы ваша дочь пришла на ее маленький праздник. Сбор в 19 часов на террасе у “Марии”. Сообщите нам, примите ли вы участие в вечеринке, чтобы мы внесли вас в список». Объясняю: *Maria* – один из самых больших клубов города, и, хотя в последние годы его дела оставляют желать лучшего (конкуренция в городе жесткая), он все еще остается одним из самых фешенебельных мест дневных и ночных празднеств, поскольку вечеринки после спектаклей по воскресеньям продолжают там до ночи. От голого бетона стен бывшего ангара децибелы отскакивают так, как им и полагается, а с тенистой террасы открывается замечательный вид на Шпрее с ее речными трамвайчиками и туристами, приветливо машущими прохожим, идущим по мосту. Короче говоря, этим вечером моя дочь в возрасте года и четырех месяцев впервые отправится в клуб. Будет о чем вспомнить через пятнадцать лет! Презрительно поглядывая на окружающих, она сразу же держит курс к входу для VIP-персон. «А что, мы же в листе приглашенных!» – подумалось мне.

Подходя к охраннику с ребенком на руках, я стараюсь принять смиренный вид. «Если мы перепутали вход и время, не следует задаваться, не следует...» Уф! Пронесло. Все произошло как нельзя лучше: клуб в лице охранника продемонстрировал полную совместимость с ребенком. Я на секунду закрыла глаза, видя шатающиеся перила террасы – если родители на секунду выпустят детишек из поля зрения, падение обеспечено, – и заметила огромное барбекю на уровне жадных детских глазенок и ручонков. В остальном все как обычно. Диджей едва дотрагивался до резонаторов, ненавязчиво звучала музыка. Именин-

ница Фрида – она в гавайских тонгах на ногах и модной футболке – предусмотрительно надела противошумную каску наподобие тех, что носят рабочие на стройках, только ее каска красивого сиреневого оттенка и могла бы украсить голову любой звезды музыкального пульта. Некоторые детишки пускали мыльные пузыри, и здесь же случайно оказалась большая мирная собака – идеальный вариант, чтобы занять малышей. Моя дочь, как сумасшедшая, танцевала в одиночестве на танцполе, который уже покинули спустившиеся вниз посетители клуба. А потом она макнула свою соломинку в кружку с пивом своего отца. Что и говорить: моя дочь – настоящая берлинка!

Дресс-код по-берлински

Да, повезло берлинским цыпочкам! Богемный дух, царящий в городе, избавляет их от головной боли в конце недели, когда приходится решать кошмарную проблему, мучающую всех женщин и девушек на свете, если им предстоит выход в общество: «Что же мне надеть сегодня?» Или, как вариант: «Мне нечего надеть!» Здесь, за редким исключением, не приходится ломать себе голову, чтобы пойти развлечься. Что бы вы ни выбрали, все будет хорошо. Да, дорогие читательницы, Берлин – это рай, при условии, что вы согласитесь с несколькими базовыми принципами.

1. Ты можешь закончить вечеринку, сидя на земле.

Берлинки обожают устраивать праздники вне помещений. С наступлением первых хороших дней горожане, лишенные света и тепла с ноября по март, заполняют тротуары. Любой выход на природу – это повод для праздника, будь то манифестация, превращающаяся в парад техно-музыки, поездка на стадион или пикник с шашлыком с подругами. И город отвечает на эту потребность в свободе, многократно увеличивая возможности жизни на природе, где даже устраивают сексуальные оргии (улетая с просторных лугов на седьмое небо от счастья в присутствии кроликов и кротов). Все это не ново. Биргартен и Пратер¹¹ существуют уже на протяжении полутора веков. И вполне вероятно, что однажды в четыре часа утра ты окажешься на берегу водоема, погруженная в думы о перестройке мира, или примешься танцевать на росистой траве, насквозь промочив ноги. А может быть, в один из вечеров под звездным небом ты присядешь на мостовую в элегантном костюме после концерта классической музыки. Короче говоря, не часто выпадают случаи выставить себя во всей красе, если только ранним вечером собственное кокетство не заставит тебя повернуться перед зеркалом, примеряя наряды. Решение: сочетать тщательно подобранный макияж с кроссовками и джинсами. Но такое в принципе не сочетается и скоро надоест. Где же выход? Поступай так, как поступают все жительницы Берлина: обнови базовый гардероб (модный маленький верх, два-три симпатичных украшения, лак на пальцах ног, чтобы можно было носить босоножки, немного помады на губах) и отправляйся развлекаться.

2. Ты можешь в кровь сбить ноги.

Обрати самое серьезное внимание на обувь, подбирая ее точно по ноге. Берлинскими ногами принято много ходить. А с учетом существующих цен принято за один вечер посещать несколько заведений подряд. Но в Берлине все так далеко! Поэтому, если ты собираешься немного попрыгать на танцполе, пожалей свои ноги и не броди перед танцами по Симон-дах-Штрассе во Фридрихсхайне (район Берлина, где полным-полно питейных заведений), переходя из бара в бар!

¹¹ Наслаждение пивом под открытым небом, вид открытых пивных ресторанов. От нем. Biergarten – досл. «пивной сад» и лат. Pratum – «луг».

3. Ты можешь насквозь пропитаться несвойственными тебе «ароматами».

В Берлине все принято начинать с колбасок. И невозможно считать себя берлинкой, если летними вечерами не принимать участия в пикниках с барбекю. В группе друзей есть всегда кто-то, кто лучше других экипирован всеми принадлежностями для этого. В худшем случае в супермаркете покупают одноразовый гриль – емкость из алюминия с отделением для углей, которую потом выбрасывают. И это берлинский образ жизни, когда людям нового Берлина, сохранившим легкомыслие юности, претит все организовывать заранее, все предвидеть наперед. Советую провести вечер на берегах Ландверканала, Шпрее, в Трептов-парке, на севере Темпельхофер-парка или на лужайках Бельвю. Испарения углекислоты наверняка заполнят, по крайней мере, две альвеолы из трех в твоих легких. А если прибавить к этому уровень холестерина, содержащегося в колбасках, понимаешь, что количество прожитых лет будет уменьшаться на год с каждым выездом на барбекю. Но придется этому подчиниться, если хочешь попасть в разряд коренных жительниц, которые сумеют разжечь костер в мангале, не боятся крыс, устраивающих с наступлением ночи настоящую осаду (если вы собираетесь организовать вечеринку на берегу Канала, отойдите как можно дальше от валуна рядом с заброшенным пароходом в порту Урбан-Хафен). Но все это стоит того, чтобы почувствовать себя Марлен Дитрих! И что «радует» во всей этой истории, так это то, что ты вынесешь обонятельные воспоминания о прошедшей вечеринке. Если тебе не повезло и ты не сможешь сразу все это переварить, то останется отвратительное ощущение нечистоты внутри. Я уж не говорю об «аромате» переполненных окурками пепельниц, кото-

рый будет повсюду сопровождать тебя, как только ты ступишь ногой в один из баров. Здесь курят! Итак, никто не запрещает тебе вытащить на свет божий курточку за 200 евро, но, боюсь, дорогая, ты скоро разоришься!

4. Тебе придется подчиняться.

Я не знаю почему, но Берлин постоянно требует от тебя чего-то такого, что не предусмотрено программой. Играть в пинг-понг ночью, взобраться на крышу, чтобы увидеть восход солнца... и (что еще хуже) петь *Voyage Voyage* перед двумя тысячами людей, собравшихся в Мауэр-парке. Мне не известно, почему так произошло, но в течение нескольких лет караоке по воскресеньям в кое-как обустроенном амфитеатре на прежде заброшенной территории стало явлением, которое просто необходимо увидеть. Но и в этом случае тебе не придется долго сокрушаться о том, что не надела лучшие свои вещи, которыми по праву можешь гордиться, а появилась в блузке либо с вырезом под горло (вместо интригующего декольте), либо со скромным отложным воротничком. И, как всегда, возвращаешься к фундаментальным понятиям в одежде — джинсам с кроссовками и соответствующим им атрибутам. К счастью, в Берлине можно встретить огромное количество людей, чей внешний вид, мягко говоря, вызывает удивление. И здесь обучаются певческому мастерству, невзирая на окружающих и с высоко поднятой головой, в манто до пят с бахромой и красных сапогах.

Футбол, моя любовь

На протяжении нескольких недель Юлия вне себя от нетерпения. В эти выходные начнутся матчи Бундеслиги, немецкого чемпионата по футболу. Юлия извлекает на свет божий свои атрибуты болельщицы и отправляется на северо-запад столицы, где расположен Олимпийский стадион. На ее шее развевается голубой шарф, и одета она в футболку с принтом «Арне Фридрих» (это имя ее любимого футболиста из клуба *Hertha Berlin*) и непременные кроссовки, потому что сегодня всю вторую половину дня она проведет на ногах.

Демон футбола вселился в ее высокое и гибкое тело начиная с 2006 года, когда Германия организовывала Кубок мира, на котором Юлия, студентка, изучающая физическую химию, работала волонтером. В один уик-энд из двух, когда «Герта» играет на домашней арене, вне зависимости от того, какая будет погода (одному Богу известно, как холодно зимой на трибунах, когда дует сильный ветер), она работает на стадионе. Ее роль? Обеспечить вход на стадион и выход для восьмидесяти тысяч болельщиков. И тогда к ее арсеналу фанатки Фридриха прибавляется жилет кричащего красного цвета, наподобие тех, что носят служащие компании *SNCF*, обеспечивающие для своих клиентов покупку билетов на транспорт, бронирование мест в отелях и т. д.

Юлия до такой степени обожает футбол, что полностью переоборудовала свою комнату во славу круглого мяча. Обои – цвета зеленой лужайки, над кроватью висит гирлянда из белых и черных шариков, а в углу возвышается огромный плюшевый цилиндр, выкрашенный в цвета «Герты». Это ее пристрастие тем более впечатляет, что внешне она совсем не похожа на футбольную фанатку, которая в день матча не может думать ни о чем другом, кроме как о предстоящей игре, – скорее хрупкая и нежная – этакая кошечка. (Юлия сама делает серьги из жемчуга – это ли не бесспорное доказательство ее женственности?) Иногда она даже впадает в славявость, особенно если речь заходит о животных, живущих в арктических льдах. Да она и сама напоминает детеныша тюленя. А когда Юлия принимает участие в манифестациях своей ассоциации (она является членом *BUND*, немецкого отделения «Гринписа»), она дефилирует в образе громадного пингвина. Короче говоря, футбол плохо сочетается с ее обликом. Но видели бы вы, как благоразумная мадемуазель преобразается и становится агрессивной, когда ей приходится защищать честь любимой команды! Вот я и подумала, что было бы интересно сходить с ней на стадион. Что-то здесь кроется, что пока недоступно моему пониманию. Тем более что «Герта» – первый европейский клуб, создавший сайт специально для женщин (www.hertafreudin.de), а на трибунах, как я потом выяснила, четверть болельщиков являются женщинами. Итак, этот город переполнен девушками, подобными Юлии, и будет нелишним провести исследование птичьего двора и с этой точки зрения, не отклоняясь от главной цели моей работы.

С билетом в кармане я села на поезд *S-Bahn* (аналог французских пригородных электричек, курсирующих также и по городу) и отправилась к Восточному виражу – именно так здесь называют стадион из-за небольших боковых изгибов его стен. Был волчий холод, от которого не спасла даже жаренная на гриле колбаска, купленная мною при входе. Еще две, думаю, разогрели бы меня, но, поскольку не мне предстояло бегать по полю в течение девяти минут, я отказалось от этой калорийной оргии. Закутанная с головы до ног, неуклюжая в шерстяном шлеме (никогда бы не подумала, что однажды мне придется сожалеть о том, что у меня нет вязаной шапки с ушками, в которой я когда-то осваивала зимние виды спорта), в теплых брюках – я даже боялась посмотреть на себя со стороны! И вдобавок ко всему сладкая немецкая горчица (*beurk*) прилипла к перчаткам.

Матч начинается. Стадион такой большой, что я ничего не вижу. Кроме того, тремя рядами ниже находятся зеркальные витрины с огромным флагом. Я слежу за игрой, глядя

на огромные экраны. С таким же успехом я могла бы остаться дома перед телевизором с чашкой зеленого чая в руках... А тем временем Юлия в окружении подруг, так же дрожащих от холода, как и я, пытается меня приободрить, говоря, что это совершенно беспрецедентный матч. Я отправилась домой еще до того, как отвалились мои отмороженные пальцы ног. Холод щипал меня за щеки, и я думала, что это неоправданная жертва для матча, закончившегося со счетом 0:0.

Но на этом мое исследование не закончилось. Потому что в Берлине есть еще одна команда и еще один повод для разделения города. Если сердце «Герты» бьется на западе, то бывший восток воспламеняется на стадионе *Vieille-Foresterie*, вотчины *FC Union*, Союза металлургов. Клуб металлургов – это также большая семья, и именно болельщики занимаются приведением стадиона в порядок в течение своих отпусков. И это клуб простого трудового народа, обычных работяг. Вообще-то это чувствуется сразу, как только выходишь из поезда *S-Bahn*. Чтобы добраться до нижних трибун, идешь не по широкой и чистой эспланаде Олимпийского стадиона, ты лавируешь среди огородов. Люди в толпе грубоватые, плохо одетые, с грязными волосами, и все, как один, в футболках кроваво-красного цвета. Это нижний Берлин, полная противоположность его центральной части. Как и на матчах «Герты», здесь много девушек. Очень часто волосы у них выкрашены в красный цвет, большинство – полногудые и хорошенькие. Матери семейств покрикивают на свои выводки, чтобы те сидели спокойно; в голосах слышится простонародный акцент. Есть также и девицы в бранденбургском духе: очень худые, в донельзя обтягивающих джинсах, с гривкой платиновых волос, пирсингом на языке, с наманикюренными ногтями и загаром под лучами ультрафиолетовых ламп. Четыре из них, получившие титул «Мисс *FC*», приняли участие в недавней рекламной кампании, где были изображены гламурными, с блеском на

губах, в облипающих майках – в тот момент, когда занимались подготовкой к матчу. Клубу *PSG* («Пари Сен-Жермен») следует брать с них пример!

Перед началом матча стадион дрожит от пения болельщиков: «*FC*-союз, наш клуб, наша гордость, наша жизнь!» Души болельщиков охвачены единым порывом, и им вторит бетон трибун. Здесь никогда не почувствуешь холода. Все, как один, сдерживая дыхание, следят за каждым движением игроков, как во время самых интригующих моментов матчей Манншафта (национальная сборная Германии) в период проведения Кубка мира, когда эспланаду от Бранденбургских ворот до колонны Победы заполнили сотни тысяч обезумевших берлинцев.

Мне хорошо известно, что начиная с Чемпионата мира 2006 года, проводимого в Германии, футбол больше не является исключительно мужской страстью. И совсем не потому, что женская сборная Германии (по большей части она состоит из цыпочек, играющих за *Turbin Potsdam* – город-спутник Берлина) является чемпионом мира и держит пальму первенства с 2003 года. «Я никогда так не веселилась в Берлине, как во время чемпионата Европы в две тысячи восьмом», – утверждает моя подруга, более склонная к увлечению театром, музеями и вернисажами, чем несмолкающим гулом «ола, ола» на стадионе и битьем мячом по воротам. В эти дни город покрывается гигантскими экранами и разноцветными флагами, предлагая своим жителям каждые два года позолоченную отдушину в ритме великих мировых соревнований, когда все берлинцы предаются общему для всех увлечению. Восток и запад, турки, проживающие в районе Нойкёльна, новая генерация центра города, женщины и мужчины, молодые и старые – все они живут матчами, и ничто другое их не интересует. На улицах, в барах, в парках – везде устанавливают экраны, не боящиеся дыма барбекю! Но именно в эти моменты полиция регистрирует в городе самое большое количество краж со взломом...

Проход запрещен

Кристел – кайенская метиска. Ее отец – уроженец Гвианы, а мать – берлинка. Следовательно, она немка. Но не все ее воспринимают как таковую. Однажды вечером она собралась навестить подругу, которая только что родила ребенка в госпитале Лихтенберга. Выйдя из *S-Bahn*, она пошла по улице между прямоугольниками домов этого восточного квартала, и в это время два типа начали преследовать ее, крича вслед какие-то несурразности и имитируя крики обезьян. Если в центре Берлина подобные случаи исключены, то на периферии города вы не можете быть ограждены от подобных неприятных инцидентов (ежегодно регистрируется около пятидесяти случаев столкновений на расистской почве). В связи с возможным обострением ситуации перед проведением в 2006 году Кубка мира в Германии было принято решение издать справочник для темнокожих болельщиков, где указаны районы города, от посещения которых им было бы лучше воздержаться. Речь идет об округах Лихтенберг, Кёпеник, Шёневейде и Марцан.

Ты прав, Таторт

Обычный, ничем не примечательный воскресный вечер. Вход в расположенный неподалеку бар, также не обещающий ничего интересного. Но ни за что на свете молодые берлинцы не откажутся от его посещения и встречи с друзьями: сегодня на большом экране бара будут демонстрировать очередную серию «Таторта». «Грустно оставаться в воскресенье вечером в одиночестве перед телевизором. А кроме того, Таторт – такой не похожий на остальных полицейский. И еще. В баре меня ждет атмосфера моего детства, когда я жила с родителями и мы вместе смотрели следующую серию, пытаюсь определить, кто же убийца», – на одном дыхании поведала мне Аня, которую я встретила в кафе *Marianne*. Аня говорит шепотом, потому что на экране уже замелькали титры фильма с его киношными эффектами 1970-х годов и музыкой, достойной весьма постаревшего Джеймса Бонда. Вот уже на протяжении сорока лет у всех немцев в 20 часов 15 минут по воскресеньям останавливается жизнь. «Таторт» собирает в среднем около 22 процентов телезрителей. И в барах, оборудованных в 2006 году к проведению Кубка мира большими экранами, стали демонстрировать для посетителей очередные серии детективного фильма.

Йозеф Гризхович, молодой и популярный литературный критик (со странностями в духе британского актера Джуда Лоу), пишет критические статьи в политическом журнале для интеллектуалов и анализирует феномен «Таторта»: «В фильме все вращается вокруг психологических моментов, и в нем ведутся жаркие дебаты по поводу того, что в данный момент происходит в обществе. Поэтому он завоевал такую популярность среди дипломированных специалистов, студентов, обучающихся в вузах и университетах, которых так много в Берлине».

Благодаря «Таторту», Аня познакомилась со своими друзьями. Приехав из Баварии, она ощутила потерянность в большом городе. Проведя два или три воскресных вечера в баре «Марианна», она вошла в число завсегдатаев, у которых официантке больше не приходится спрашивать, что бы они хотели выпить. Сначала Аня сидела за стойкой бара, теперь она облюбовала себе продавленное канапе в углу, где проводит время с двумя подругами и другом. «Эй, заключим сегодня пари о том, а кто же убил?» Официантка предложит бесплатно кружку пива самому способному из «комиссаров», при условии, что тот отгадает имя убийцы не позже, чем через час после начала фильма. В такие вечера доход «Марианны» невелик. «Все заказывают травяные чаи, горячий шоколад, как дома», – жалуется хозяйка. Но в ее баре царит благожелательная атмосфера, и поэтому здесь всегда много народа!

«Таторт», Бундеслига (чемпионат Германии по футболу), американские электоральные вечера, а также многое другое... В Берлине принято зайти в бар, чтобы посмотреть телевизор. Или чтобы поиграть в старые добрые настольные игры – в одном из углов любого бара всегда грудой свалены шахматы, шашки, лото, которые только и ждут, когда вы к ним подойдете. А иногда и владельцы заведений (даже самых модных) организуют, например, вечеринки лото. И таким образом, многие кафе в городе становятся своего рода филиалами игровых салонов.

«Жизнь сообща – это очень здорово, но при условии, что у тебя есть деньги на эту жизнь», – сетует Бабетта, тридцатилетняя безработная, завсегдатай *Kuckucksei* в Шёнеберге. Этому старому берлинскому кабачку удалось затормозить процесс обуржуазивания города – в нем сохранился дух демократизма. Здесь вы встретите самую разную публику: Бабетту и Вольфганга, почти упавших на дно общества, находящихся на грани алкоголизма и накрепко связанных с кружкой пива, Генриетту, изысканно одетую студентку, изучающую право, Лилли, преподавательницу начальной школы, джазового пианиста Бена, Павла, специалиста по информатике, пакистанского повара Номи... и меня. В начале моего пребывания в Бер-

лине я проводила здесь много свободного времени – я занималась музыкой в двух шагах от кафе. И так произошло, что ненастными субботними вечерами я отправлялась в *Kuckucksei* в полной уверенности в том, что встречу с теми, с кем мне интересно поговорить. В самом деле, в любой час дня и ночи (в берлинских барах нет установленных часов закрытия) я находила здесь друга.

Магия этих баров заключается в том, что в них между людьми, жизнь которых не имеет общих точек соприкосновения и которые никогда бы не встретились друг с другом, возникают дружеские отношения. Благодаря *Kuckucksei* я попала на празднование 50-летнего юбилея к одному шоферу такси, который устроил его в квартире своей подруги, сельского почтальона. Разные траектории жизни, и, однако, мы отпраздновали вместе это событие. Эта особенность Берлина разрушать все барьеры между людьми, его толерантность, допускающая любое смешение, меня всегда восхищала.

Наблюдая за тем, как ученики школ и лицеисты выходят после занятий на улицу, я часто поражалась, насколько они все различаются: приверженка панк-культуры и турчанка, покрытая чадрой, подросток на багги в бейсболке и еще один подросток, в этот раз вампир в готическом духе. Создавая репортаж для французского телевидения, я с головой окунулась в изучение нового поколения молодых берлинцев. Это оказалось настоящей головоломкой: любитель покататься на скейтборде слушает техно, диджей обожает рок, антиглобалист – любитель хип-хопа, а рокеры любят самую эмоциональную, самую «душевную» музыку американских негров под названием «соул».

Вследствие невысокой стоимости жилья в Берлине хозяева заведений никогда не завышают цены: 1,20 евро – чашка кофе, 1,90 евро – чай, 2,50 евро – кружка пива, 4 евро стоит бокал вина и от 4,50 евро вы заплатите за коктейль... Низкие цены приглашают заглянуть в кафе, где, уютно устроившись в одном из чуть живых от старости кресел, которые добавляют очарования этому кварталу, вы проведете приятные моменты. На прилавке или на стойке бара вас ждет свежая пресса, на витрине – пирожные, среди которых неизбежный казекухен, немецкая версия нью-йоркского чизкейка. До 16 часов дня вы можете позавтракать. В так называемый «завтрак артиста», который обойдется вам в 8 евро, входят: омлет, колбасные изделия, сыр, мюсли; заплатив 1,90 евро вы получите кофе и сигарету в придачу. Жители столицы, эти взрослые дети, оказавшиеся на мели и во множестве населяющие город, в берлинских кафе, «отелях мамы», как их здесь называют, находят уют и атмосферу домашнего очага.

И как же вкусны взбитые сливки на горячем шоколаде! Зимой мне случалось проводить в кафе всю вторую половину дня. Иногда в *Bilderbuch* на Акациенштрассе (одно из самых комфортабельных кафе с потрясающе богатой библиотекой) заглянет пианист, чтобы отрепетировать свой репертуар на рояле, стоящем в глубине зала. Гаммы, арпеджио, проникновенные мелодии... как дома, кажется мне! Короче говоря, начиная от завтрака и до «Таторта» по вечерам, ни одно событие в жизни берлинца не проходит вне бара. И если ты настолько любишь свой бар, что хочешь, чтобы он переселился к тебе, ты всегда можешь попросить, чтобы тебе продали твое любимое кресло. Многие кафе, помимо картин художников, творчество которых они сейчас продвигают (часть кафе являются также и галереями), выставляют на продажу элементы своего декора. И пальма первенства среди них, если принять во внимание также его винтажный и уютный дизайн, принадлежит, безусловно, *Kauf Dich Glückliche*, расположенном на Одербергерштрассе.

Неуемные бунтарки

Немецкая женщина не курит! Не я это сказала, а один взбесившийся сумасшедший со щеточкой усов, который довел мир до состояния хаоса и устроил самую страшную бойню в истории человечества. С точки зрения Гитлера, арийка, у которой есть только одно предназначение на земле (рожать здоровых и красивых немецких детей), также должна иметь здоровое тело. К сожалению (в данном случае), немки не захотели его услышать, и еще в меньшей степени вняли призыву фюрера жительницы Берлина. Столица Рейха с давних пор является бастионом национального сопротивления нацизму (один из последних городов, павших под напором людей в коричневых рубашках). Открыто бравируя тем, что они нарушают запрет, согласно которому у них не было права даже зажечь сигарету в общественных местах, берлинские женщины 1940-х принялись дымить, как сапожники. Бунт, неопасный и легкий, как дым, поднимающийся над сигаретой, но тем не менее бунт... Борьбе с курением нацисты придавали большое значение, они первыми в мире начали финансировать исследования и создали институт по изучению влияния курения на человеческий организм, они ввели термин «пассивное курение» и на пачках сигарет, распространяемых на фронте, употребляли выражения, предупреждающие о губительных последствиях курения. А с 1938 года они запретили курить в общественных местах. Это вам ничего не напоминает?

Но, как и прежде, с бунтарским видом Берлин не выпускает изо рта сигарету. Барбара Палм, или Бабси, едва волочит ноги, перемещая свой обтянутый кожей скелет курильщицы с тридцатилетним стажем за прилавок. Когда речь зашла о запрете курения в общественных местах, эта пятидесятилетняя дама с розово-красным перманентом на голове организовала нечто вроде диссидентского протеста и воспользовалась подзабытой лексикой. В ход пошли такие выражения, как «человеческое достоинство», «борьба с государством, которое собирается ее контролировать», «лишить свободы», «растоптать ее волеизъявление»! Все это высказывалось с сильным простонародным акцентом перед небольшим количеством постоянных посетителей ее маленького кафе *Heide 11*. Это типичное и малопривлекательное заведение берлинских пригородов – стены, обшитые темными деревянными панелями, занавески, связанные крючком из дешевой пряжи, витрины, выстланные черным бархатом, на котором под неоновым огнем поблескивают кубки – свидетельство проводимых конкурсов по дартсу, бильярду... В воздухе звучат мотивы диско. «Ноинг-ноинг-ноинг», – ноет синтезатор. Ах, восьмидесятые годы!

Здесь 95 процентов постоянных посетителей – заядлые курильщики. Выставить их за дверь? Да это то же самое, что стрелять себе под ноги. Это означало бы конец *Heide 11*! И тогда его хозяйка начала военные действия против тоталитарного государства. Как говорит Манфред, который всегда сидит за столиком в углу перед кружкой темного пива: «Лучше курить, чем быть фашистом!» – «Яволь!» (Так точно!) – вторит ему в ответ Бабси, голос которой срывается в кашле.

Итак, день, когда начал действовать запрет на курение в барах и ресторанах, наступил. Что же касается Бабси, она решила разжечь свои «сигареты свободы» (так во время войны называли сигареты, которые солдаты курили по очереди), а вместе с ними и огонь раздора. Она застеклила дверь непрозрачным, как бы закопченным стеклом (впрочем, у нее все покрыто копотью), повесила колокольчик, а завсегдатаи получили членские карточки. И *Heide 11* стал частным клубом. Или курилкой. Далее, через небольшой промежуток времени, Бабси подала жалобу в Конституционный суд. По ее мнению, тоталитарное государство проводит «дискриминационную политику»; приняв антитабачный закон, оно разрешило большим заведениям то, что не дозволено маленьким.

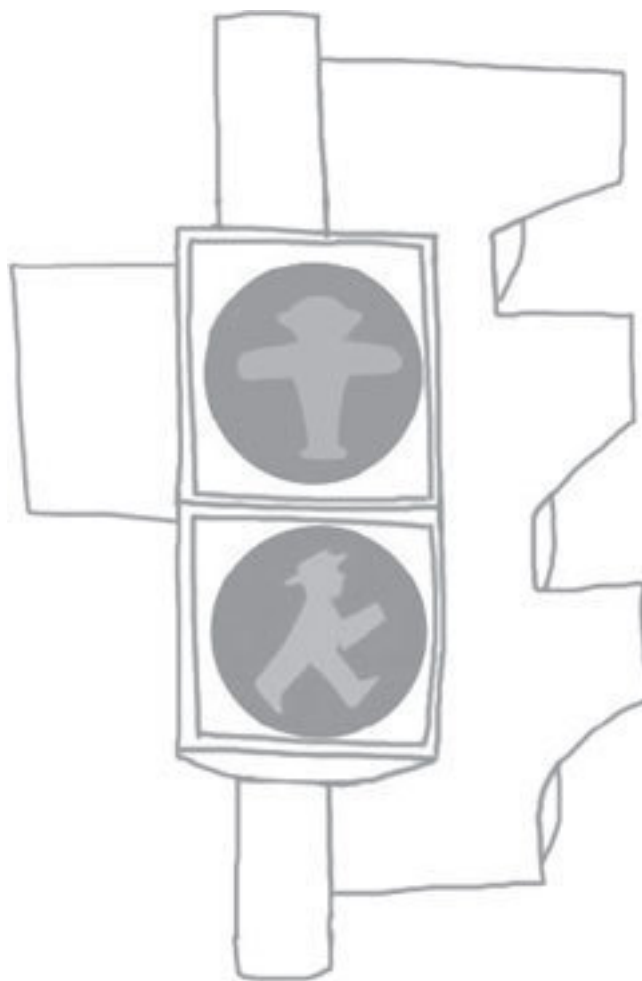
А дело заключается в следующем: в Берлине заведениям площадью более 75 квадратных метров разрешается оборудовать курительную комнату. Таким образом, небольшим кафе и барам пришлось бы навсегда убрать свои пепельницы, вычеркнув из жизни курящую клиентуру. В ожидании решения судей закон был приостановлен, и Берлин вновь принялся дымить. Впрочем, он никогда и не прекращал! И так как суд признал правоту маленьких кафе и баров, закон на них больше не распространялся. В этой неразберихе крупные заведения с большей свободой принялись трактовать текст закона. Это было в 2008 году. Сегодня, за исключением больших ресторанов и общественных зданий (больницы, аэропорты, административные заведения, *ets*), в Берлине курят везде. Бабси может собой гордиться!

Симфония для курочек в ЖЕМЧУГАХ

Немцы затеяли игру в слова, которая мне совершенно не нравится: дам, принадлежащих к высшим слоям общества, с жемчужными ожерельями и такими же серьгами, они называют *Perlhühner*, что буквально означает «курица в жемчугах», хотя сама представительница пернатых (курица как таковая) не имеет никакого отношения к нашим обожаемым цыпочкам. И даже если я не имею ничего против того, что цыпочка может быть курочкой в жемчугах (хотя для себя лично я не приемлю килограммовые колье на шее), мне не нравится сведение образа цыпочки к образу разряженной представительницы богатой буржуазии. Но ничего не поделаешь! Видимо, действительно пришло время написать эту книгу. Тем более что придется потрудиться, чтобы отыскать таких разодетых и шикарных цыпочек в Берлине. Я не хочу сказать, что здесь их нет, но раздел города истребил этот социальный класс: существовавший на тот момент режим в восточной части Берлина задушил буржуазию и разорил крупные аристократические кланы; а что же касается западной части, то ее богатые обитатели, опасаясь вступления в город русских танков, сбежали отсюда, как только представилась такая возможность. Они отправились в направлении Франкфурта с его финансовыми дельцами, в Кёльн с его богатейшей буржуазией, обосновавшейся на берегах Рейна, и, главным образом, в Баварию, где до сих пор аристократия играет важную социальную роль.

И из этой столицы, исповедующей левые взгляды, с богатой артистической жизнью, сосредоточенной в центре города, где живет огромное количество людей, едва сводящих концы с концами и лишенных соответствующих экономических условий для нормального существования (в Берлине нет ни одного предприятия, акции которого котировались бы на франкфуртской фондовой бирже), придется отправиться в Потсдам, этот берлинский Версаль, чтобы увидеть одну из таких дам, из числа жен богатых предпринимателей, вдов крупных чиновников, единственных наследниц старых прусских аристократических семейств... Они живут в роскошных особняках, окруженных высокими решетчатыми оградами, в таких фешенебельных кварталах, как Дахлем, Грюневальд, Целендорф, либо вдоль берегов озера Ванзее, где по выходным катаются на парусных яхтах, кутаясь в свитера марки «Ральф Лорен»... Иногда по утрам можно видеть, как они в черных огромных лимузинах отвозят в частные школы своих отпрысков. Самой роскошной считается вилла Ритц с первоклассно оборудованной в парке конюшней для пони, SPA-комплексом в цокольном этаже, воспитательницами, говорящими на английском, китайском и французском языках. В те дни, когда милые дамы до предела загружены делами, за ребенком заедет шофер, который отвезет его в школу. И за все про все он получает 1000 евро в месяц.

Чтобы проникнуть в тайны их жизни, посплетничайте с обслуживающим виллы персоналом. Отправляйтесь воскресным утром, например, в церковь в Сюдштерне: именно здесь собираются польки всего города (граница с Польшей всего лишь в 60 км), которые приезжают сюда, не говоря ни слова по-немецки. Перед мессой, которая проходит на их родном языке, они обмениваются перспективами на работу (ведение домашнего хозяйства, присмотр за детьми и даже мелкий ремонт в доме – вариант для мужа или брата; что бы делал Берлин без этой рабочей силы, которую используют незаконно), сообщают друг другу, где дешевле снять квартиру, как решить административные формальности. И все это, разумеется, не без помощи сарафанного радио.

Моя подруга Виолетта вызвалась быть моим переводчиком: «Ольга рассказывает, что работает у одной анорексички, которая по всему дому оставляет мешки с рвотными массами, – ей хочется сохранить форму, чтобы позднее стать актрисой. Хозяйка все время раздражена, но ее муж оставляет на столике в салоне хорошие чаевые. Ольга его никогда не видела, но знает, что это крупный мужчина, потому что гладит его рубашки...» Сама Виолетта в течение долгого времени присматривала за детьми одной из таких дам. «Знаешь, такая грустная женщина...»

Судя по всему, и в Берлине у богатых дам-домохозяек не самая сладкая жизнь. Иногда они появляются в центре города. Правда, в очень небольшом количестве, видимо, чтобы напомнить простым цыпочкам, что курятник гораздо больше, чем думают в центральных округах столицы. Они бывают на коктейлях в посольствах, посещают благотворительные концерты. О, классическая музыка! Это их любимый конек. И разумеется, как повсюду в Берлине, не требуется специально наряжаться, чтобы пойти послушать оперу или симфонию. Но если у вас есть красивое вечернее платье и подходящие к нему лодочки, если у вас сохранился роскошный свадебный наряд, стоивший целое состояние, и затраты на который обязательно должны окупиться, то вы, девушки, просто обязаны использовать свой шанс! Когда, если не сейчас, сыграть по-крупному! Ведь наши курочки в жемчугах беззастенчиво пользуются такими моментами. Голая спина, оборки до пола, а иногда даже диадема на голове. Что меня изумляет больше всего, так это то, что хозяйева жизни, холеные и цветущие, прохаживаются по фойе с таким видом, будто не совсем уверены в том, что одеты достаточно хорошо. Идеальный дресс-код таких больших музыкальных вечеров – это как деловой костюм при приеме на работу. Но здесь можно встретить и персонажей великого смешения в берлинском

понимании (кричащие расцветки, невероятно смелые стрижки). Особенно в Опере, где провокационные мизансцены часто вызывают шок в берлинском артистическом микрокосме. И когда, характеризуя человека, говорят о нем, что он берлинский артист, это означает, что либо его внешний вид, либо прическа не вписываются в современные представления о том, как должны выглядеть обычные люди.

Но что бы там ни говорили, три оперных зала в городе и два концертных не являются частной собственностью курочек в жемчугах и их спутников. Будучи студенткой, я ходила в Оперу на Унтер-ден-Линден приблизительно раз в месяц. Покупая билеты в последний момент, непосредственно перед представлением, можно приобрести их с 50-процентной скидкой на все места.

Каролина – она работает в одном из зданий из стекла и стали на Фридрихштрассе, экономической и торговой артерии города, полностью перестроенной после объединения (один из редких кварталов Берлина, где можно увидеть женщин и мужчин в деловых костюмах), – рассказывает: «С моими коллегами мы иногда принимаем спонтанное решение завершить день в театре, отправившись на 19-часовой спектакль. Это привносит разнообразие в нашу жизнь». Подкрепившись перед спектаклем кренделем с тмином, купленным у разносчика (он подзывает покупателей сигналами велосипедного звонка, расположившись со своей ивово-й корзиной на главной лестнице), в антракте они позволяют себе маленькую кружку пива в фойе с позолотой, в здании, которое насчитывает около трех веков. А в ноябре – декабре, выходя из театра, сразу же попадают в атмосферу рождественских базаров. И нет ничего лучше, чем выпить горячего вина после Вагнера!

Я побывала на ланч-концерте в Филармонии

Единственный добросердечный человек, который дает по монетке билетершам, – это я. В черных юбках и белых блузках они стоят при входе в Филармонию, которая похожа на большой золоченый цирк-шапито; это необычное здание было построено по проекту архитектора Ганса Шаруна в начале 1960-х годов. (Любители винтажа, наслаждайтесь! Обратите особое внимание на люстры. Сегодня модные дизайнеры на Инвалиденштрассе делают такие же, требуя за работу 3000 евро!) В руках каждая билетерша держит белую пластиковую миску вроде тех, что входят в наборы посуды «Тапнерваре», в которые – дзинь, дзинь – посетители что-то кидают. Скорее всего, чаевые, подумала я, не в силах отречься от капиталистического мировоззрения. Сколько рук потребуется, чтобы убрать такой огромный зал. А ведь еще есть персонал в раздевалке, официанты в баре... Концерт, конечно, бесплатный, но это нормально, когда просят сделать небольшое пожертвование! И вот я совершила эпохальную покупку программы... Любезная билетерша вернула мне мой евро. «Нет, нет, мы собираем только жетоны, которые вручают при входе. Так мы производим подсчет количества зрителей». Зрителей, сидящих на ступеньках лестниц, ведущих в большой зал, иногда бывает больше тысячи. А иногда они усаживаются прямо на полу, прислонившись к опорам, поддерживающим наклонный потолок. Только старики и инвалиды, представив удостоверение крепкому парню, стоящему возле оградительных стоек с канатами (ему доверена роль охранника), получают сидячие места – обычные складные стулья возле малой сцены. В этот раз их было не менее трех сотен. Отсюда и это странное впечатление – когда днем по вторникам попадаешь на бесплатный концерт в Филармонию, кажется, что попал на планету «тростей, ходунков и палок для слепых». Даже зрители, сидящие в строгих костюмах в бельэтаже бара, не первой молодости: в среднем лет шестьдесят. Это Берлин пожилых, в тысяче лье

от гламура нового центра! Но есть также и несколько студентов с сэндвичем в руке, решивших отдохнуть от зубрежки в *Sta-bi* (*Staatsbibliothek* – Национальная библиотека), которая находится как раз напротив, и еще две-три мамочки с младенцами, спящими в слинг-шарфах. Груднички вызывают мое восхищение: в течение сорока пяти минут камерной музыки (скрипка и пианино в тот день) лишь однажды раздался детский крик. И остается добавить, что их мамочки являются сторонницами дзен-философии: в широких одеждах, с большими сумками антиглобалисток через плечо, в неперенных тюрбанах. Шарфами (сшитыми из ткани с добавлением «вареной шерсти») при малейшем *агу-агу* они еще крепче прижимают детишек к груди. Закутанные до глаз, эти молодые женщины в полном молчании наслаждаются Брамсом.

Мастерство и доступность музыкантов Филармонии потрясают... Играя бесплатно, они исполнили на бис два или три музыкальных произведения. Публика аплодирует, но не слишком долго – видимо, артрит кистей рук дает о себе знать.

Я посетила желтый ланч-концерт

Обязательно надеть теплый свитер и кроссовки. Этим вечером играют Мендельсона в «Бергхайне», где, вопреки обыкновению, не будет ни возбуждающе громких децибелов, ни обезумевшей многотысячной толпы танцующих, наэлектризованных диджеем.

Я знаю, что сегодня в самом большом ночном клубе города будет холодно. Под металлическими конструкциями этого мрачного собора дает концерт квартет *Fauré*. «Джин-тоник

и Соната, *bitte*» – таков девиз этого вечера, устроенного по инициативе студии грамзаписи *Deutsche Grammophon* (у них логотип желтого цвета). Приблизительно раз в месяц в одном из клубов города студия организует музыкальные вечера, контраст которых меня всегда поражает.

Голый бетон стен в противовес арпеджо и гармонии музыкального ряда. Все удовольствие обойдется в пять евро. Отсутствие людей и тишина в здании бывшей электростанции непривычны. Никакой суеты возле подсобных помещений слева и справа. Эта ночь в «Бергхаймс» будет единственной в своем роде. Сидя на полу или прислонившись к ледяным перегородкам, зрители потягивают пиво, негромко разговаривая. Сдержанный гул изредка прерывается позвякиванием бутылок. Над маленьким подиумом, где обычно стоят самые знаменитые диджеи в мире, висит психоделическая видеоустановка, которая приковывает мой взгляд. Да, «Бергхайн» всегда гипнотизирует, какая бы музыка в нем ни звучала. Раздаются первые печальные звуки виолончели... Мелодия, подхваченная уникальной акустикой клуба (заполняющей все его пространство), вибрирует и уносится ввысь. Пробирает дрожь восторга! «Бергхайн» сдержал все свои обещания.

К сожалению, он редко предлагает свою площадку желтым ланч-концертам, поэтому билеты раскупают с поражающей быстротой. Лучший способ принять участие в этих магических празднествах – записаться на лист ожидания в Фейсбуке или стать абонентом ньюс-леттера (корпоративной газеты).

Так случилось, что желтые ланч-концерты не полностью реализовали намеченные цели: их организаторы надеялись привлечь в ряды любителей классической музыки новичков, но концерты по-прежнему посещают исключительно истинные ценители музыки.

Да, с бутылкой пива в руке, да, болтая во время выступления солистов, но это действительно частые гости на концертах классической музыки. И в этом случае спонтанное берлинское смешение покидает нас. Но музыка так прекрасна, и сочетание ее жанров так необычно!

Питер Пэн – берлинец

«Прогуляться по этому городу – это как побывать на гигантском и веселом празднике с закуской, устроенном в честь дня рождения! Стоит только присмотреться к очкам горожан: и не то чтобы они были большие, маленькие или ярко окрашенные. Дело не в этом. Они похожи на детские или клоунские, – констатирует моя подруга Клара, обводя взглядом окрестности террасы кафе в квартале Митте, где мы собрались выпить по чашечке охлажденного кофе. – И ни одного прилично одетого парня в костюме, а о туфлях я уже не говорю: только кеды, полукеды, кроссовки!»

Да, Берлин отказывается взрослеть. Половина населения в возрасте до 35 лет, а средний возраст живущих в самом модном квартале Пренцлауэр-Берг – 28 лет. По-видимому, город должен сохранять свою репутацию европейской столицы праздника и отвечать ожиданиям тысяч и тысяч молодых, которые каждую неделю приезжают сюда, чтобы приобщиться к эксцессам Берлина-громовержца и сотрясателя основ. А тем, кто устраивается здесь всерьез и надолго – фотографы, графисты, скульпторы, танцоры, музыканты, веб-дизайнеры, сценаристы и пр., – звезды, особенно в их галактике искусства и культуры, чаще всего благоприютствуют, и вместо песни под названием *Dickes B* («Жирное B», в которой говорится о том, как здорово жить в Берлине) они отныне поют другую, озаглавленную *The place to be* («Место быть»).

В футболках с принтами, на которых изображены медвежата, начинающие актрисы из бара на пляже *Kiki Blofeld* скачут на деревянных лошадках под сверкающими гранями шара, скачут среди других шаров – мыльных пузырей, которые пускают их парни с повязкой на глазу, как у пиратов... Этот доведенный до крайности гедонизм сначала радует глаз и приятен уху, а потом однажды наступает пресыщение. Я обожаю Берлин за его терпимость, за жаркий порыв к свободе, за экстравагантность, многообразие его образов, за небрежную круговерть его дней, когда все кажется эфемерным. Но это и город больших детей, незрелость которых быстро становится тягостной.

«Я читала? Да никогда в жизни! Я хочу танцевать!» Клеа Гуттхрлат, стриптизерша, чуть было не вцепилась мне в горло, услышав мой вопрос. Платиновая блондинка с вишневыми губами, она хлопает своими накладными ресницами в ответ на мои вопросы о том, как проводит свободное время. Ее вполне устраивает вечный праздник подгулявшего Берлина, который она регулярно посещает. На протяжении последних двух лет она входит в состав группы «Бонапарт» и является ключевой фигурой эксцентричных ночей на берегах Шпрее. Девиз коллектива очень прост: «Если нет решения, значит, нет и проблемы» (припев песни *Who took the pill?* – «Кто принял таблетку?»). «Знаешь ли ты Толстого?» – «Я знаю *Playboy*». – «Знаешь ли ты политиков?» – «Я знаю сайт *party-chicks*» (слова из еще одной их песни под названием *Too Much* – «Это уж слишком»). Как-то раз Квентин Тарантино пригласил группу на вечеринку по случаю окончания съемок «Бесславных ублюдков», и Клеа решила показать свою маленькую круглую грудь всему Голливуду – на соски она прилепила крохотные перышки, которые подрагивали в такт ее движениям. Вообще, в группе есть только одно главное действующее лицо, один певец-композитор-гитарист, который самопровозгласил себя диктатором, а все остальные – второстепенные персонажи, они несут какой-то бред на сцене, переодевшись кто в огромного зайца, кто во флибустьера или сержанта Гарсиа; импровизируя хеппенинг, они заканчивают свои выступления голыми, вымазавшись пеной для бритья или томатным соусом. Клеа – это свихнувшаяся Дита фон Тиз.¹² На ее спине акти-

¹² Американская исполнительница шоу в стиле бурлеска, фотомоделль, певица.

нии превращаются в орхидеи, которые затем разбиваются на разноцветные звезды. Татуировка ценой в несколько тысяч евро.

С сосредоточенной миной 37-летняя Ангела, испачкав все руки в краске, накладывает мизинцем на бумагу ярко-красную гуашь, что впоследствии должно означать тяжелые бархатные портьеры, перед которыми полуголая Клеа будет выступать в спектакле в пользу «антишколы искусств доктора Скетчи». Трехчасовой спектакль, в котором нечто великое сочетается с канонами позирования художникам позапрошлого века, дают раз в месяц. Итак, в этот вечер прикрытые шелком соски порадуют только Ангелу и еще человек пятьдесят берлинцев, которые что-то записывают в своих записных книжках. Когда однажды организатор «школы доктора Скетчи» бросил вызов всему миру, его последователей вроде Ангелы, желающих разрисовывать тела своих близких при помощи пальцев, которые они окунали в горшочки с краской – «для детей, начиная от полутора лет» гласила этикетка, – было немало. И я невольно задумываюсь о размышлениях Клары о том, что Берлин – это праздник с закуской, устраиваемый в день рождения. Ангела отрывает глаза от своих художеств и говорит, пожимая плечами: «Только дети хотят стать взрослыми!» На прошлой неделе возле Роза-Люксембург-платц мне вручили пригласительную открытку на вечеринку с таким же девизом. И какой бы востребованной ни была Клеа на сцене берлинского бурлеска, она не говорит по-немецки. Блуди Мери тоже. Эта француженка живет за счет техно, подбирая мелодии на протяжении нескольких последних лет в «Трезоре», «Уотергейте» или любом другом святилище электрических ночей столицы. А еще есть Хара – графист из Афин, которая живет и работает в перестроенном под швейцарское шале лофте, где в одном из углов она колет топором дрова, а в другом у нее висят качели. Или Алексия и Нико, всё оставившие в Париже, чтобы открыть здесь *HBC*, галерею-ресторан-концертный зал и одновременно студию с проживанием для художников на Карл-Либкхне-Штрассе. Или Люси, камбоджийка, которая также хочет пробиться в этом мире. И все они общаются между собой на английском. А по вечерам в некоторых барах даже невозможно заказать кружку пива по-немецки, так как официанты не понимают местного наречия. В *Room*, баре недалеко от моего дома, официант родом из Израиля, Хернан, повар, – аргентинец, а хозяин заведения Джонни – техасец. За двадцать последних лет население Берлина обновилось на две трети! И не немцы приезжают в Берлин, чтобы обосноваться в этом городе, но иностранцы, желающие приобщиться к его радостям, творческому потенциалу, раскрепощенности и главным образом – к его совершенно невероятной дешевизне. Двенадцать процентов берлинцев родились за границей (за исключением Турции).

И, в конце концов, может быть, они правы! Зачем все усложнять и становиться серьезным? Зачем искать «настоящую» работу, когда здесь легко снять жилье за 500 евро в месяц? Я вспоминаю об одной девушке-диджее, которая спорила до хрипоты, считая, что 260 евро в месяц за лофт в 250 квадратных метров в бывшем пакгаузе, сохранившем уникальный отпечаток старины, расположенном на Шлейзишештрассе, одной из оживленнейших артерий города, где множество баров и ночных заведений, среди которых *Watergate* и *Club des vision naires*, – это слишком дорого. В салоне она со своими шестью подругами (они вместе снимают жилье) организуют театральные спектакли, демонстрируют фильмы, устраивают боксерские бои, собирая до шестисот зрителей.

В Берлине у каждого есть своя мечта (открыть бар, выставить работы в галерее, создать лейбл, станцевать перед Тарантино), и есть возможности в нее верить. Сесилия, испанский дизайнер, обосновавшаяся в Англии, произвела подсчет: «В течение года я вместе с подругами снимала квартиру. Чтобы пробиться в Берлине, я могла бы на эти деньги жить около трех лет!» В худшем случае, если первые шаги не приносят успеха, можно оплачивать счета, собирая пустые бутылки в биргартене или в бургерной...

Именно поэтому многие даже не представляют себе жизни среди пеленок и бутылочек с сосками. Возьмите, например, мою подругу Мейке. Двенадцать лет назад мы вместе учились на факультете. Мейке, ростом от горшка два вершка, но очень самоуверенная, первая из нашей группы рассталась с холостой жизнью. Вот уж десять лет, как она замужем за Маттиасом. Но вместе с ним она не жила ни одного дня! Они разбредлись каждый по своим углам на расстоянии в несколько улиц. Чтобы видаться, они назначают друг другу свидания. Мейке ерошит волосы, подстриженные, как у Холли Берри: «Ребенок, почему бы нет? Но

это означает, что нужно переезжать, менять ритм жизни на обычный – на день и ночь – и не иметь возможности отправиться в Нью-Йорк на стажировку, если представится такой случай, к тому же надо думать о постоянном доходе».

В 31 год Матильда тоже пока не готова пуститься в свободное плавание. Мы отмечали получение ею диплома о высшем образовании, которое она наконец завершила после двенадцати лет учебы с перерывами на отдых, стажировки и путешествия в Латинскую Америку. Я: «Ну, теперь ты надеешься быстро найти работу в Берлине?» Она: «Нет, конечно, с этим покончено. Я собираюсь писать диссертацию!» И вот началась старая песня, и так будет продолжаться четыре или пять лет. Я уж не говорю о том, что за всю свою жизнь она ни разу не заплатила ни сантима в соцстрах. Недавно она мне позвонила, так как искала кого-нибудь ей в помощь в небольшой работе, которую она нашла параллельно с написанием диссертации: «Ассистент преподавателя математики в школе раз в неделю. Но для меня ходить туда каждый четверг – это слишком. И я хотела бы поделить эту должность на двоих, чтобы работать через неделю». Нет слов!

В оправдание этих больших детей уточним, что Берлин быстро станет адом для тех, кто не вписывается в схему. Иметь возможность платить за мастерскую в кварталах галерей (на Линиенштрассе и Августштрассе) не всегда является залогом того, что пробьешься, – настолько жестка конкуренция. А люди с университетскими дипломами и инженеры могут сразу же паковать чемоданы и уезжать из Берлина. Здесь для них нет работы.

Елена уже сделала несколько попыток. Она разослала свои резюме в несколько мест. И, несмотря на то что она знает четыре языка и очень хорошенькая, все оказалось напрасным. Из Берлина она уехала: «Я хочу основательно устроиться в жизни, хочу семью. Здесь все это невозможно. Все слишком шатко, ненадежно. Это здорово, когда тебе двадцать – тридцать лет, но после нужно отсюда уезжать!» В направлении, например, Гамбурга, Лондона, Парижа и, может быть, Нью-Йорка... Новый Берлин – это город мигрантов. И в кругу друзей всегда есть кто-то, кто в данный момент уезжает или приезжает. За исключением коренных берлинцев (тех, кто проживает в городе на протяжении двух поколений), которые составляют всего лишь 10 процентов от общего населения, всем хорошо известно, что здесь ничто не вечно, даже Стена и та рухнула однажды.

Я должна была быть кассиршей

Да, я научилась оставаться вечно молодой (обожаю эту фразу!). Как-то раз вечером, когда я быстрыми шагами направлялась к метро, меня остановил мой сосед Сигберт, чей юмор, несмотря на наше многолетнее знакомство, до сих пор остается для меня загадкой: «Куда это ты так торопишься? Ведь университет уже закрыт». Я на секунду впала в замешательство: «Я давно закончила учебу и работаю на протяжении многих лет». Настала очередь удивиться Сигберту... Видимо, факт того, что можно уже долго работать в моем возрасте, превосходит его понимание. Или, может быть, он решил, что я на время отложила учебу в университете, решив сначала получить профессиональное образование, а уж потом диплом бакалавра? Позже Сигберт мне признался, что мой ответ навел его на мысль о том, что я могу работать кассиршей в супермаркете.

Антибум на рынке недвижимости

На следующий день после первой ночи, проведенной у парня, с которым она недавно познакомилась, Яна решила исследовать его квартиру. «В той или иной степени. Африканские безделушки – хорошо. Журналы по видеоиграм – плохо, фотографии девиц – плохо, очень плохо! Мне столько пришлось пережить до встречи с ним, а он признается, что снимает меблированную комнату у своего приятеля. И это в 36 лет! А его вещи валяются по большей части на этажерках из ИКЕА!»

Жизнь в трех-четыре картонных коробках. Окна без занавесок, простыня на старом тюфяке на подпорках напротив дверного проема вместо кровати. Голые лампочки, свешивающиеся с потолка, на стенах ни одной картины, вместо них – коллаж из почтовых открыток. Так выглядит интерьер многих берлинцев. Зачем обустраиваться, создавать уют, если все равно скоро переедешь? Кто-то срочно предложит совместный съем квартиры, квартал может потерять былую привлекательность, владелец жилья прибывает из кругосветного путешествия, представится заманчивый случай отправиться на стажировку во Флоренцию или в Санта-Монику... Мы знакомы с Николь на протяжении десяти лет, пять из них она провела в Берлине в пяти разных квартирах. Здесь 30 процентов всей недвижимости пустует, особенно в периферийных восточных кварталах, где гламуром и не пахнет. Но все равно сюда тянутся люди: чем дальше от центра, тем дешевле квартиры. Берлин по площади почти равняется Парижу и, включая пригороды, насчитывает 3,4 миллиона жителей (против 10 миллионов Большого Парижа). Еще более впечатляюще выглядит плотность населения: 4260 человек на квадратный километр в Берлине против 20 800 в Париже! Здесь никогда не будет нехватки жилья, и великая круговерть переселений в ритме обновления и перестройки кварталов не закончится никогда.

Пренцлауэр-Берг, дикий рай андеграунда, в 1990-х годах дал приют самым отверженным художникам, поэтам, писателям, студентам без гроша в кармане, нищим, маргиналам. Сегодня «задний двор» в корне изменился – расширился, расцвел, принарядился в стекло, обзавелся металлическими лестницами, ведущими в светлые лофты с высокими потолками и лепниной. Отныне это самый дорогой квартал города, закрытый сад, скорее буржуазный по духу, чем богемный. У всех школ здесь отличная репутация, церкви всегда полны, и считается хорошим тоном отдать ребенка в школу при соборе или в церковный хор. Сюда переезжают, когда мадам еще беременна, из таких оживленных районов, как Кройцберг или Фридрихсхайн, которые во всем бы устраивали молодые супружеские пары, но здесь их не подстерегают неприятные встречи ни с панком с собакой, ни с дилерами, потому что первые обосновались на Боксагенер-платц, а вторые – в Хасенхейде. При мысли, что их беби будет посещать турецкий детский сад, многих родителей пробирает мороз по коже. «В день праздника Аид местный детский сад опустел, и я даже спросила себя: а не проводится ли учебная пожарная тревога или нечто подобное?» – шутит одна из мамочек, которая все-таки собирается переехать, когда ее ребенок пойдет в школу. Может быть, в квартал Шёнеберг, менее дорогой, чем Пренцлауэр-Берг, но такой же ухоженный и буржуазный. Самые богатые отправятся, скорее всего, в Потсдам, берлинский Версаль, с детскими садами экстра-класса.

Fuck the yuppies! Bonzen raus! Weg mit euch, Reichen. Короче говоря: «Буржуи, убирайтесь прочь!» У Тиллы в сумке всегда полным-полно самоклеющихся листовок с отточенными и хлесткими фразами. Тилла – студентка исторического факультета университета и специализируется на изучении наследия Маркса. В полной уверенности в своей правоте она шлепает листовки на стены новых домов, витрины модных дизайнеров, «которым нечего здесь делать. На этой улице, на Ораниенштрассе, расположенной в трепещущем сердце старинного Кройцберга, угробленного панками и турками, тридцати процентам семей угрожает выселение. Из-за кого? Из-за тебя!» Я являюсь воплощением всего того, что Тилла ненавидит. После многих лет застоя квартплата в Берлине подскочила в цене вследствие массового притока богатых мигрантов. «Все эти деятели культуры из Франции, Израиля, Канады и даже Штутгарта не понимают, что тысяча евро за сто квадратных метров – это слишком дорого! На некоторых улицах в прошлом году цены выросли на сорок процентов. Коренные берлинцы покидают город. Их доходы не успевают за галопом цен».

Но какими бы мобильными ни были берлинцы – в силу обстоятельств либо по собственной воле, – все они проникнуты духом Киеза Киза – это деревня в городе, несколько улиц с неповторимым колоритом, отмеченных печатью собственной уникальности. И где бы люди ни жили, они навсегда остаются верными каждый «своей деревне». Моя подруга Кордула – журналистка на немецком телевидении – имеет средства жить в центре города, но ее душа в Штеглице, округе на юге Западного Берлина, вблизи Бранденбурга, американского сектора, с его казармами, ночными клубами, сигаретами из светлого табака. Ее детство и юность сохранили привкус «холодной войны». Она выросла в страхе перед русскими танками, находящимися в двух шагах от ее дома. Новый Берлин никогда не поселится в Штеглице, он отправится за окружную дорогу, ведь там так здорово! Но Кордулу это не соблаз-

няет – здесь она у себя дома и, как добропорядочная берлинская цыпочка, будет драться за свой Киез когтями и зубами.

«Праздные» будни фриланса

Работа кипит! Уф... Я сижу в тесном окружении других посетителей за столиком кафе перед латте-макиато с шапкой пены сверху. Я заканчиваю статью, одним глазом поглядывая на свой профиль в Фейсбуке, счет в Твиттере и на последние удручающие новости на Ютубе. Рядом со мной целая вереница помешанных на своих компьютерах людей. В касках диджеев на головах, они потеют над сегодняшними заказами: закончить разработку сайта, сделать проект дизайна, перевести сценарий, подготовить альбом шаржей для рекламной кампании...

Мы все сидим, не доставая ногами до пола, на высоких стульях в кафе на Санкт-Оберхольц. Сидим вдоль окна, из которого открывается вид на шумный и многолюдный городской узел, на Розенталер-платц. Мелодии, сопровождающие нашу работу, такие же обволакивающие, как и пена напитков, которые мы пьем. Музыка «электрон» с ее деликатными модуляциями, нет даже и речи о том, чтобы увеличить звук – мы же можем обеспокоить тех, кто предпочитает свой айпод. Никаких стрессов, никакой нервозности. Добро пожаловать в мир богемы цифровых технологий. *Bo-ni* («Бо-ню» от *Bohème numérique*), как нас здесь называют, заполнили все кафе центра, и развлекаются они здесь столько же, сколько и работают. «Я разослала три или четыре эсэмэски, послушала грув (стиль музыкального исполнения) одного диджея, отредактировала досье, что-то заказала в баре... Работа, отдых? Где граница? – спрашивает себя крупная рыжеволосая молодая женщина справа от меня. – Мой кофе, мое бюро, моя жизнь...» С появлением в городе этих новых берлинцев, по большей части независимых работников, оказавшихся на мели в начале трудовой деятельности, количество баров на Санкт-Оберхольц стало расти с такой же скоростью, с какой спам проникает в наши почтовые ящики, с той только разницей, что в отличие от спама их встречают довольно благожелательно. А что же касается латте-макиато, любимого напитка этого нового поколения берлинцев, обходящихся без офисов, без определенных часов присутствия в них, то он стал настолько популярен, что появился новый термин: «латте-макиатизация города». Так что же это, работа или развлечение? Однажды в пятницу я провела исследование среди *Bo-ni*...

8.30. Я начинаю свой рабочий день рано, по-немецки, ведь ясли закрываются в 17 часов, а мне предстоит столько всего сделать. И вот я появляюсь перед заветной дверью *Studio 70*, отремонтированного с иголочки офиса коворкинга (совместной работы), расположенного на севере от Нойкёльна. Сайт Интернета пообещал мне теплую и дружескую деловую обстановку, где все работают за общим большим столом, паузы на кофе (бесплатно) в частном баре в холле при входе и даже цветной принтер. Но дверь оказалась закрытой. Объявление, нацарапанное от руки, гласит, что офис будет открыт с 10 до 18 часов. Первое наблюдение: представители богемы цифровых технологий не надрываются на работе.

10.00. Возвращение в *Studio 70*. В глубине второго заднего двора дверь по-прежнему остается закрытой. В этот раз не может быть и речи о том, чтобы вернуться домой. Я устраиваюсь в булочной по соседству, непрезентабельном заведении, где пахнет хлебом промышленной выпечки, химическими средствами по уходу за домом и плохим кофе. В Берлине почти все булочные оснащены дешевыми кофеварками. Я заказываю латте-макиато, который вряд ли доставит мне удовольствие. Наблюдение второе: *Bo-ni* берегут свои нервы и никогда не доводят себя до стресса.

10.20. Предпринимаю третью попытку проникнуть в помещение и в этот раз вижу на двери еще одну прилепленную бумажку с номером мобильного телефона «на случай, если дверь будет закрыта». Дзынь-дзынь, алло? «Я уже в пути, сейчас приеду».

10. 28. Наконец-то свершилось – появился огромный берлинец в военных штанах и толстовке с антиглобалистскими значками и эмблемами. Маттиас – иллюстратор школьных учебников, завсегдатай *Studio 70* и один из немногих, заключающий месячный контракт с офисом. Обзорная экскурсия по помещению. Декор сногшибательный. Сотрудникам удалось превратить серые промышленные мастерские в модное и располагающее пространство. Бар со старыми креслами, обитыми потертой кожей (куплены на блошиных рынках), транзисторным приемником на подоконнике и сверхсовременной кофемашиной последнего дизайна отвечает всем моим ожиданиям. Очень берлинское смешение стилей и эпох в антураже шикарного ремонта под металлическими прожекторами бывшего цеха по производству металлоконструкций. Хотя за перегородкой до сих пор стоит ремонтное оборудование с механизмами, которые клепают, сваривают и полируют все что угодно... Небольшая деталь, которая сразила меня наповал. С наступлением вечера, когда коворкеры (то есть совместно работающие) падают с ног от усталости, перегородка превращается в киноэкран. На кухне стоит кровать, где можно подремать, и есть настольный футбол.

10. 55. Мы с Маттиасом наконец принимаемся за работу, каждый устраивается на противоположном конце большого общего стола. Реализация моих планов на сегодня займет не менее двух часов.

12.00. Мы с Маттиасом, как два каторжника, по-прежнему трудимся в *Studio 70* в одиночестве. Маттиас: «Да, конечно, по пятницам здесь часто бывает безлюдно. Для некоторых уже наступили выходные!»

12. 40. Звонит мобильник Маттиаса. Он просит у меня разрешения поговорить по телефону, не выходя из комнаты. В теории телефонные разговоры в офисе должны происходить либо в баре, либо в переговорной комнате, если она свободна. Думаю, что у Маттиаса бывают на этой почве конфликты с коллегами. Ему нужно вернуться домой. Мы даем друг другу по двадцать минут, чтобы кое-что доделать.

13.00. Перерыв на обед. Маттиас запирает студию.

14.14. Я снова на месте! Маттиас уже за работой с наушниками на голове. Но, к моему удивлению, я вижу, что пришло пополнение. Появилась еще одна женщина. На ярко-красном «Макинтоше» (компьютер) Свенция доводит до совершенства бизнес-план книжного магазина, расположенного в нескольких улицах отсюда, этот магазин она собирается открыть через неделю. Свенция почти все лето провела в студии, работая над проектом, используя также переговорную комнату и даже гигантский экран для проведения презентаций для инвесторов. Она только что расторгла свой контракт со *Studio 70*. После трех месяцев аренды по 148 евро теперь она будет платить по деньгу (10 евро в день), если у нее возникнет необходимость доработать кое-какие детали.

17.00. Я пересматриваю свое отношение к представителям цифровой богемы. Они трудятся не покладая рук. Свенция с бешеной скоростью все время стучит по клавиатуре, а Маттиас рисует, почти не пользуясь ластиком. Что касается всего прочего, то стоит такая тишина, что было бы слышно, если бы муха пролетела. Во второй половине дня никто не обменялся ни словом. А где же теплая дружеская атмосфера, которую так расхваливал сайт Интернета?

18.30. Я собираю свои вещи. Сегодня я отпустила няню, и сразу после яслей она мне передаст эстафету, так что вечер я наконец-то проведу с дочерью. И у меня нет никаких шансов остаться с ними, несмотря на то что Маттиас подключает проектор к экрану, чтобы посмотреть футбольный матч. «Остальные тоже придут», – заверяет он меня. И будет обещанная сайтом теплая, располагающая атмосфера «с пивом под футбол», а мое общее заключение таково: коворкинг – это здорово, но при условии, что ты одинок и что у тебя нет детей, – только в этом случае ты сможешь проводить импровизированные вечера с коллегами. Все они очень симпатичны, эти представители богемы цифровых технологий, но единственное, что пока нас объединяет, – это наши «Макинтоши».

На заметку

Полная версия программы берлинских праздников представлена в двух городских журналах, которые называются Zitty и Tip. Для берлинских полуночников они являются чем-то вроде Ветхого и Нового Завета.

www.zitty.de

www.tip-berlin.de

Свод необходимых правил и требований для тех, кто собирается посетить вечеринки *Bohème sauvage*

Предлагая вашему вниманию эти правила, мы пытаемся избежать риска навлечь на себя обвинения в недобросовестности. На сайте вечеринок www.bohème-sauvage.de яснее ясного сказано, что в празднествах могут принимать участие только лица, одетые по моде 1880–1940-х годов. Причем организаторы вечеринок не идут ни на какие уступки и утверждают, что «даже малейшая деталь имеет значение! Девушки, не забудьте про ваши прически». Но, к счастью, организаторы настолько добры, что представляют нашему вниманию адреса магазинов, где можно приобрести боа, шляпки с небольшими полями и прочие аксессуары. Предлагаем вам принять к сведению эти советы:

Bonnie & Kleid

Gneisenaustrasse 9, Kreuzberg – 030 69509684

Обратите внимание на игру слов: *Kleid* на немецком языке означает также «платье»... В этой сказочной пещере Али-Бабы, расположенной в полуподвальном помещении в одном из зданий Кройцберга, всего лишь за 25 евро вы можете взять напрокат полный комплект одежды *Grand'mama* (бабушки): шляпку, туфли, включая жемчужное ожерелье. Залог – 100 евро. Продавцы имеют обыкновение консультировать покупателей, собирающихся посетить *Bohème sauvage*, и сделают все от них зависящее, чтобы отыскать боа вашей мечты и подходящий к нему галстук для месье, который будет вас сопровождать. Еще одно небольшое преимущество: здесь все говорят по-английски.

Ute Jacobs

Eisenacher Starsse 123, Scshuneberg – 030 21800232 или 01796765045

www.friseurmeisterin-berlin.de

Да, да, дорогие цыпочки, завитушки и волнистые укладки обязательны, и вам не удастся избежать бигуди и щипцов для завивки. И если у вас нет навыка в использовании этих инструментов, нанесите визит Юте, которая принимает клиентов исключительно по предварительной записи. Обслуживание недешево (от 25 до 50 евро за прическу в зависимости от длины вашей шевелюры и формы головы; но если вы скажете, что пришли от моего имени, скидка вам обеспечена). Здесь вы получите совершенно уникальный опыт, погрузившись в атмосферу сумасшедших лет еще до того, как побываете на празднике. В качестве бонуса Юта изрядно потреплет ваши буколки в дьявольском и зажигательном чарльстоне, чтобы потом привести вашу прическу в порядок. И как бы там ни было, но ощущение собственной звездности в ее салоне обеспечено!

Танцевальные залы

Вечеринки *Bohème sauvage* меняют адреса каждый месяц. Но вы не обязаны ждать именно этих вечеринок, чтобы опробовать паркет дансингов столицы, которые регулярно предлагают свои площадки для проведения праздников в честь свинга, ча-ча-ча и аргентинского танго (программа публикуется на сайте Интернета).

Ballhaus Rixdorf

Kottbusser Damm 76, Kreuzberg – 030 6916370

Это один из любимых адресов многочисленных поклонников танго в столице. Берлин – второй город в мире после Буэнос-Айреса, где у танца столько поклонников. Паркет зала новый, но галереи над танцполом придают дансингу очарование старины. По субботним вечерам здесь всегда так много народу, что яблоку негде упасть. Внимание, уровень танцующих очень высок. Но мужчины всегда терпеливы с дебютантками, ведь это отличный повод познакомиться.

Clärchens Ballhaus

Auguststrasse 24, Mitte – 030 2829295

www.ballhaus.de

Это гораздо больше, чем просто танцевальный зал, потому что здесь можно (относительно хорошо) поужинать (предварительный заказ обязателен) и позавтракать после ночи безумств на паркете. Уютный сад иллюминирован фонариками. «Маленький Каир» (*Clarchen*) собирает у себя танцоров всех социальных классов и возрастов. По субботним вечерам оркестр играет вживую. Программа самая разнообразная: от вальса до диско. Если помещения наверху свободны, поднимитесь и полюбуйтесь красотой сказочного «зеркального зала» с не выходящим из моды шармом и налетом старины в типично берлинском духе.

Grüener Salon

In der Volksbühne am Rosa-Luxemburg-Platz, Mitte – 030 688332390

www.gruener-salon.de

Божественный маленький салон, одним боком примыкающий в театру *Volksbühne*, паркет которого видел па как начинающих и совсем юных танцоров, так и зрелых мастеров. Если с другой стороны здания в Красном салоне исполняют современные музыкальные программы, то Зеленый салон восхищает нас своими ночами свинга, танго, концертами джазовой музыки, мимическими спектаклями.

Несколько типичных баров, недорогих и не самых модных, но в которых все еще вибрирует душа старого Берлина

Alt Berlin

Münzstrasser 23, Mitte – 030 281 96 87

Один из немногих уцелевших баров в центре ультрасовременного и модного квартала.

Kuckkucksei

Barbarossastrasse 5, Schöneberg – 030 21917134

Обычное, ничем не примечательное районное бistro, клиентура которого кардинально поменялась за последнее время.

Heide 11

Hasenheide 11, Kreuzberg – 030 6925581

Стоит сделать крюк только ради того, чтобы повидать хозяйку заведения Бабси. Именно она основала движение, результатом которого стала отмена закона о запрещении курения в барах.

Café Sibylle

Karl-Marx-Allee 72, Friedrichshain – 030 29352203

Это мифическое кафе бывшего Восточного Берлина, расположенное на самой престижной улице маленькой коммунистической республики. Частично восстановлен первоначанный декор. Клиентура все та же. При кафе существует постоянно действующая экспозиция, которая также находится на Карл-Маркс-аллее.

Бары, «как дома», где можно провести целый день

Bilderbuch

Akazienstrasse 28, Schöneberg – 030 78706057

Пирожные и выпечка «как у мамы», горячий шоколад со взбитыми сливками, игры (лото, шахматы...), большая библиотека, мягкая софа... В каком-то смысле это именно то, что нужно.

Kauf dich glücklich

Oderberger Strasse 44, Prenzlauer Berg – 030 44352182

Тебе нравится кресло, в котором ты готова провести вторую половину дня, обедаясь вафлями? Купи его! Суперконцепция, суператмосфера.

Goldapfel

Heinrich-Roller-Strasse 20, Prenzlauer Berg – 030 50560150

На том же этаже, где находится кафе, оборудован салон для просмотра телепередач воскресными вечерами в компании друзей (и, в частности, очередного фильма детективного сериала «Таторт», идущего по Первому каналу).

Kapelle

Zionkirchplatz 22–24, Prenzlauer Berg – 030 44341300

Свежая пресса, огромные восхитительные пирожные и местные сорванцы, забегающие в кафе после курсов катехизиса, чтобы перекусить. И все это расположено на очаровательной маленькой церковной площади.

Mano

Skalitzer Strasse 46A, Kreuzberg

www.myspace.com/mano_cafe

Раз уж вы устроились в глубоком и уютном кресле 1950-х годов, вы даже не допустите мысли о том, что пора вставать.

Heroes

Friedelstrasse 49, Neukölln – 030 37447511

Подтверждаю циркулирующие слухи: да, именно здесь подают лучший эспрессо во всем Берлине. Хороши также лимонные пироги. Иногда по вечерам среди недели проводятся занятия по вязанию.

Zebrano

Sonntagstrasse 8, Friedrichshain – 030 29365874

Продавленные кресла, настольные игры, «Таторт» по воскресным вечерам.

Где провести время?

Schlesische Strasse

Kreuzberg

Бары, рестораны, клубы: на этой улице, а также на соседних, перпендикулярно выходящих на нее, множество подобных заведений. Например, *Cake* (в доме под № 32), *Lido* на углу улицы *Cuvrystrasse*, *Fette Ecke* (дом № 16)...

Simon-Dach-Strasse/Wühlischstrasse/Ostkreuz

Friedrichshain

Эквивалент *Schlesische Strasse*, расположенной по другую сторону реки. Вызывает отвращение реклама, установленная в бывшей мясной лавке, где сегодня варят пиво: *Hops & Barley*, *Wühlischstrasse* 29. По мере приближения к Осткройцу (станция метро) студентов становится все меньше, и улицы заполняют активные молодые люди, уверенно шагающие по жизни. Здесь также наблюдается очень высокая концентрация сумок «Прада».

Oranienstrasse

Kreuzberg

Сто раз говорили, что он уже умер, этот квартал со смешанным и крикливым населением, но, несмотря ни на что, он каждый раз возрождается. В *Bateau-Ivre* (букв. «пьяный корабль»; *Oranienstrasse*, 18) можно встретить подвыпивших и расточающих вокруг любовь звезд кино.

Oranienburgerstrasse

Mitte

К этой крупной городской артерии стекается множество улочек, приютивших на своих мостовых симпатичные бары и рестораны. И раз уж *Tacheles*, известная на весь мир арт-коммуна в Берлине, существует, не поленитесь сделать крюк и загляните в кафе *Zapata*, расположенное на первом этаже огромного сквота.¹³

Вокруг станции метро Eberswalder Strasse

Prenzlauer Berg

¹³ Самовольно захваченные пустующие дома, превращенные в бесплатное жилье, художественные мастерские и т. д. Сейчас многие сквоты в Берлине легализованы.

Кварталу крупной буржуазии удалось сохранить малую толику безумства, которое сделало его великим десять лет назад. В *Kulturbrauerei* (бывшая пивная, переоборудованная в культурное пространство) не пренебрегают алкоголем, танцуют, слушают концерты...

И еще несколько значных мест...

Madame Claude

Lübbenerstrasse 19 Kreuzberg – 030 84110859

Расположение залов и декор этого старого публичного дома уже сами по себе праздник. Пренебрегая законами всемирного тяготения, мебель, например, подвешена к потолку. Музыкальные блинд-тесты¹⁴ вечером по средам, а по выходным – диджеи и концерты.

White Trash

Schönhauser Allee 6/7, Mitte – 030 50348668

Ресторан (великолепные бургеры!!), бар, концертный зал, клуб и салон тату: *White Trash* сосредоточил в себе всё, и в нем всё поражает, начиная с потрясающего декора, представляющего собой смесь кантри, китайских влияний, тяжелого рока и фильмов ужасов в жанре *gore* (один из самых кровавых).

¹⁴ Музыкальная игра, суть которой заключается в том, что вы должны отгадать мелодию, автоматически выбранную программой.

Kaffee Burger

Torstrasse 58, Mitte – 030 28046495

Бар и клуб с музыкальными программами, которые редко оставляют равнодушными. Раз или два в месяц писатель Владимир Каминер¹⁵ встает за пульт, и звучит *Russendisko* («Русское диско»). Это одна из самых веселых дискотек в Берлине, в чем вы сами можете убедиться.

HBC

Karl-Liebknecht-Strasse 9, Mitte

Новое гибридное место (ресторан, бар, галерея, театральный зал, резиденция художников, *ets*), разместившееся в величественном здании бывшего венгерского культурного центра (винтаж в духе 1960–1970-х годов вам обеспечен). Здесь в основном бывают разодетые по последнему слову моды сливки берлинского артистического микрокосма...

Monarch

Skalitzer Strasse 134, 1 этаж, Kreuzberg

pipprinz@kottimonarch.de

Этот бар стоит того, чтобы его посетить. Стоит подняться по узкой, пахнущей мочой лестнице, пройти мимо двух или трех уснувших наркоманов. Но открывающийся перед вами вид на воздушное метро и коктейли с лихвой окупят все издержки.

Это один из баров, который способствует обновлению квартала Коттбуссер Тор.

Spindler & Klatt

Köpenicker Strasse 16–17 (здание бывшей армейской пекарни) Kreuzberg – 030 69566775

Расположенный в помещении бывшего хлебозавода, этот ультрамодный ресторан встречает посетителей широкими белыми лежанками, как во времена заката Римской империи. Летом терраса с видом на Шпрее превращается в клуб.

ČSA

Karl-Marx-Allee 96, Friedrichshain – 030 29044741

Шикарный бар, где подают хорошие коктейли, расположен в бывшем здании Чехословацких авиалиний (*ČSA*)... Атмосфера очень нью-йоркская по духу, все мужчины в красивых рубашках, а женщины – на шпильках. Декор в стиле фантастического фильма «2001 – Космическая одиссея».

¹⁵ Писатель русско-еврейского происхождения, с 1990-х годов живет и работает в Германии. Пишет на немецком языке. *Russendisko* – это также сборник рассказов о жизни выходцев из бывшего СССР.

Acud

Veteranenstrasse 21, Mitte – 030 44359498

Независимый культурный центр, где можно выпить, послушать музыку, посмотреть спектакли. Атмосфера в духе «Берлин капут»,¹⁶ что встречается все реже, особенно в центре столицы.

Бары на пляжах Берлина

Где бы вы ни находились, на берегу Шпрее, погрузив ноги по щиколотку в песок, или в шезлонге, загорая под лучами солнца, предлагаем вашему вниманию список лучших баров, где летом можно провести время.

Yaam

Müllenstrasse, напротив Ostbahnhof (Восточного вокзала)

Friedrichshain – 030 6151354

Атмосфера в духе регги, Черная Африка, волейбольные и баскетбольные площадки...

Kiki Blofeld

Köpenicker Strasse 48/49, Mitte – 030 260731050

В бывшем корабельном ангаре, из которого открывается полный обзор реки, можно танцевать всю ночь.

Insel der Jugend

Hosemannstrasse 14, Treptow – 030 4212073

Мирная, почти буколическая атмосфера в самом центре города.

Bundespressestrand

Kapelle-Ufer 1, Tiergarten – 030 28099119

Посещаемый представителями международной прессы (расположен у подножия здания, где работают большинство корреспондентов) и некоторыми политическими деятелями, этот пляж станет для вас тем местом, где вы сможете от души повеселиться и на самом высоком уровне провести время.

Ночные клубы

Berghain

Am Wriezener Bahnhof 1

¹⁶ Видимо, автор имеет в виду фильм в жанре мелодрамы «Берлин капут». Фильм состоит из трех новелл, объединенных общей линией войны и отношениями на войне между мужчиной и женщиной.

Friedrichshain – 030 29360210

Пока существует техно-музыка, она будет звучать в этом клубе, обросшем мифами.

Watergate

Falckensteinstrasse 49, Kreuzberg – 030 61280395

Осуществляющие фейсконтроль парни становятся такими же мелочными и дотошными, как и в «Бергхайне». Но только ради того, чтобы побывать на террасе клуба, почти касающейся водной глади реки, стоит попытаться счастья проникнуть сюда. Танцы на восходе солнца оставляют незабываемые впечатления!

Week-End

Alexander Platz 7, Mitte – 030 24631676

Еще одно сказочное место, где звучит техно. Клуб занимает 12-й и 15-й этажи, а также крышу одного из небоскребов на Александер-платц... Телебашня на уровне ваших глаз. Настоящая магия!

Golden Gate

Dircksenstrasse 77, Mitte – 030 2829295

Даже не заходите сюда раньше четырех часов утра. Идеальное место для тех, кто хочет продолжить вечер после спектаклей, концертов...

Maria am Ostbahnhof

An der Schillingsbrücke 33–34, Friedrichshain – 030 21238190

Этот клуб, расположенный в бывшем промышленном ангаре, знал трудные времена в поворотные 2008–2010 годы. Но, кажется, он преодолел все неприятности. В глубине находится зал, выходящий на террасу на берегу реки (напоминающий заросшее озеро), где очень хорошо отдохнуть в воскресенье.

Schwuz

Mehringdamm 61, Kreuzberg – 030 6290880

Клуб для геев и симпатизирующих им. Очень хорошая, располагающая атмосфера.

SO 36

Oranienstrasse 190, Kreuzberg – 030 61401306

Будучи в 1970–1980 годах легендой Кройцберга (в те времена он назывался *Bowie & Iggy Pop*), *SO 36* и сегодня продолжает задавать тон самым безумным берлинским ночам. Колыбель немецкого панка, в наши дни клуб предлагает более разнообразную программу. Вечеринки гей-ориенталь, вечера салонных танцев (разумеется, под соусом *SO 36*, поэтому с налетом трэша), роллер-дискотеки (как в *Boum*)...

Felix

Behrenstrasse 72, Mitte – 030 30117152

Шикарный клуб для золотой молодежи Берлина, с карточками VIP-клиентов и двух-литровыми бутылками *champus* (именно так называют немцы шедевр гастрономического гения французов). Ночные вечеринки по четвергам.

Adagio

Marlene-Dietrich-Platz 1, Tiergarten – 030 2589890

Еще один шикарный клуб, но в этот раз с налетом китча и люстрами со свечами. Это клуб для тех, кто уже пресытился техно, грязным андеграундом и атмосферой в духе фильма «Берлин капут». Раз в месяц вечеринки «высоких каблуков», на которых гламур и флирт вам обеспечены. По пятницам вечеринки *Ladies night* с едва одетыми танцорами, исполняющими эротические танцы.

Жертва моды? Пеняй на себя

Стиль в Берлине

«До блеска начищенные мокасины и длинный легкий шарф на шее. С первого взгляда они не сочетаются. Но на самом деле все тщательно продумано и все прекрасно смотрится». Мэри Шерп – известная в мире моды «*Made in Berlin*» личность, если не звезда. Ей нет и тридцати, она изучала историю искусств в университете, и, помимо квартала Митте, где она проживает (в последние годы этот район приобрел популярность), ее ничто не связывает

с бизнесом. Она не модельер, не манекенщица и даже не фотограф. Однако сформировавшийся у нее цифровой рефлекс определяет всю ее жизнь. И поэтому она ежедневно шагает по Берлину в поисках последних модных тенденций: в первую очередь ее привлекают странности в одежде и внешнем облике людей. Свои впечатления она публикует на своем сайте *Stil in Berlin* («Стиль в Берлине»). Каждый месяц на сайт заходят 70 тысяч пользователей, то есть приблизительно две тысячи в день! Лучшего модельного скаута – человека, специализирующегося на поиске новых типажей, которые в будущем могут стать моделями в мировой индустрии моды, – невозможно себе представить. Очередную порцию ее информации с нетерпением ждут каждый день как журналисты, работающие в мире моды, так и моделиеры.

В этот день в глубине одного из дворов Хаке она случайно столкнулась с Элеонорой, 28-летней преподавательницей рисунка. Элеонора в огромных очках, у нее стрижка «под горшок» в средневековом духе, а ее длинные ноги втиснуты в узкие штаны (леопардово-зеленые? в цветочек? в стиле ар-деко?). Как настоящий профессионал, с серьезной миной на лице Элеонора принимает позу, и начинается фотосессия. А затем Мэри продолжает облаву на соседних улицах. «Большинство людей, которых я “отлавливаю”, согласны, чтобы я их сфотографировала. Иногда они обладают яркой индивидуальностью, хотят, чтобы их заметили, и сами стараются попасться на глаза». Клик-кляк, семья в оранжевом! Клик-кляк, денди в накидке и культовых ботинках *Dr Martens*! Клик-кляк, римейк Мадонны эпохи *Like a Virgin*,¹⁷ девица, закутанная по самые брови в меховую куртку.

Комментарии по поводу Элеоноры начались сразу же, как только мы забежали в кафе погреться: заработал «Макинтош», загрузили фотографии. С точки зрения парижанки, то есть меня, у нашей немецкой Жанны д'Арк есть стиль, хотя и несколько своеобразный. И, может быть, его своеобразие заключается именно в его отсутствии? Но всевидящее око Мэри именно в этом усмотрело квинтэссенцию *особого* берлинского стиля. Она даже говорит о существовании определенной манеры одеваться, свойственной немецкой столице: «Комфорт прежде всего, что, в частности, мы наблюдаем в выборе обуви – из мягкой кожи и, разумеется, на плоской подошве... И, конечно, практичной, непромокаемой, идеальной для плохой погоды. Но за исключением этих двух тотемов, здесь каждый одевается, как хочет».

¹⁷ Второй студийный альбом, 1984 год.

Мэри не видит других правил, которыми руководствуются берлинцы. Мода вообще не приживается на берегах Шпрее. И в этом смысле Берлин – это анти-Париж. Толчея на распродажах? Им это не известно! Кавардак на распродажах для прессы? – но, милые дамы, жительницы Берлина даже не знают, что это такое! Хотя, естественно, *H&M*, *Zara* и прочие представители индустрии моды здесь также добавляют нолики к валовому обороту. А сама Мэри признается в своей страсти к одной шведской марке – «такой дешевой», говорит она; когда она в деталях анализирует одежду, комментируя на своем сайте фотографии, чаще других встречаются два инициала именно этой марки. Но, разумеется, не только они... Мейнстрим, глобализация или, скорее, унификация внешнего облика – Мэри не восстает против этого, а скорее дозирует обозначенные процессы. Шаль, колье, пара изысканных колготок, легинсы, водолазки. А как насчет остального? Вещи, сшитые в ателье или даже у известных модельеров, много винтажа, многое сделано своими руками... Главное – быть непохожей на других.

Что же касается меня, в Берлине я вообще не придерживаюсь никакого стиля. И у меня настолько испортился вкус, что я покупаю готовые ансамбли – какой ужас! – подобранные сверху донизу (внимание, я не свожу свой внешний облик только к этому). Во время вечеринок или на коктейлях моя французская элегантность не остается незамеченной: сумка, туфли, платье – все идеально подобрано! Настоящий шик... Но то, что для парижанки звучит как комплимент, жительницей Берлина воспринимается как отсутствие индивидуальности или «изюминки». Нет ничего хуже конформизма. Но зато, когда однажды вечером я надела платье для танго, а сверху пуловер с глубоким вырезом, фантазийные кружевные колготки *Wolford* и серые сапоги из мягкой потертой кожи, наша няня воскликнула в порыве энтузиазма: «Ты выглядишь как настоящая берлинка!» А моя мать до сих пор не может оправиться от шока, когда я появилась на свадьбе у наших родственников в Пуату в сандалиях *Birkenstock*, соломенной шляпе и с полотняной сумкой-мешком в руках.

Но я обещаю, что никогда не позволю «берлинскому стилю» окончательно завладеть собой и никогда не выйду из дому в лыжном комбинезоне, как это делают некоторые странные птицы из кройцбергского курятника. Хотя я признаю, что это идеальная одежда для бесконечных зим, когда все время идет снег. Тебя не прохватит сквозняк, не простудишь почки, а при падении штаны окажутся амортизатором для той части тела, на которой сидишь.

Но вот на гололедице тротуаров появляется некто в облике первой звезды: максимум элегантности, грациозность, плавность движений... Мартина, одна из моих соседок, дефилирует в таком виде с декабря по март. Доводя до совершенства свой образ, в прошлом году она появилась с ногой в гипсе и на костылях. Это для нее оказалось поводом с гордостью сообщить, что она «вернулась из Гармиша»,¹⁸ что меня окончательно доконало. И также я никогда не водружу на спину рюкзак, когда отправлюсь в магазин за провизией для своего собственного курятника. Хотя с теоретической точки зрения следует признать, что нет ничего удобнее рюкзака, чтобы все держать под рукой, не перегружая при этом позвоночник. В его боковой карман можно положить бутылку с водой или термос с чаем (напитки для берлинок – это святое). И это так по-берлински! Вот только вчера по мостовой Бергманнштрассе вдоль самых модных и шикарных бутиков, где витает дух Пренцлауэра, на длинных-предлинных ногах ковыляла девица в сандалиях, черных легинсах, коротенькой юбчонке, майке с рокенрольным принтом... и красным рюкзаком за спиной!

«Однако за последние годы Берлин изменился, и в этом не приходится сомневаться! Город стал более *glamourös* – гламурным». Александре Фишер-Рёхлер веришь на слово, потому что она знает, о чем говорит. Она – стилист и соучредитель лейбла *Kaviar Gauche*, одной из немногих рентабельных берлинских марок готового платья. А с вторжением немец-

¹⁸ Гармиш-Партенкирхен – горнолыжный курорт.

ких актрис на красные дорожки национальной кинонаграды Франции «Сезар» и премии «Эмми» (премия американского телевидения) в Лос-Анджелесе (актриса Хайке Макаш), где они появляются в летящих платьях в пастельных и золотисто-желтых тонах, таких легких, воздушных и таких женственных, Кавьяр вошел в разряд великих кутюрье международной моды.

За шесть последних лет Александра и ее единомышленница Иоганна Кюль, создающие такие шедевры, как двубортные пиджаки, узкие брюки и туфли на шпильках, перевернули с ног на голову каноны берлинской моды, по крайней мере, в центре столицы. И вот о чем они рассказали в конце показа своей модной коллекции, когда наконец смогли расслабиться: «Пятнадцать лет назад в полуразрушенных бараках берлинского андеграунда мы создавали исключительно парки и примитивную одежду для рейнджеров. Сегодня мы встали на высокие каблуки и проводим время в самых модных ресторанах, при условии, что найдется свободный столик. А для этих событий требуется и соответствующее платье, и не только для нас, но и для всего нового Берлина, ставшего интернациональным городом».

Сегодня один житель столицы из десяти работает в индустрии моды и производства предметов искусства. Это жизнерадостное и беззаботное сообщество космополитов, наподобие тех, что заняты в рекламном бизнесе. Достаточно большой по площади город (в восемь раз превосходящий Париж) выделил им отдельную территорию, ограниченную зоной *A* городской железной дороги *S-Bahn*, куда входят такие округа, как Митте, Пренцлауэр-Берг, Кройцберг и Фридрихсхайн, и где следы войны уступили место стеклу и стали. «Берлин – огромный город, но Берлин, который живет полной жизнью, который меняется, совсем маленький, – комментирует продавщица из бутика на Альте Шёнхаузер Штрассе. – Здесь бьется сердце системы, и здесь вы встретите исключительно молодых людей, креативных, хорошо одетых, внушающих уважение, которые занимаются творческой деятельностью и работают в секторах моды, дизайна, кино, музыки, фотографии, архитектуры, скульптуры...» Охота на стиль в Берлине разворачивается именно здесь!

А что же остальные? Те, кто живет в зонах *B* и *C*? В общем и целом, большинство горожан перемещаются на периферию города по мере расширения нового Берлина. И в этом случае невозможно пробежаться по модным бутикам в квартале Хакеше Хёфе. И тогда берлинцы ограничиваются бесконечными торговыми галереями магазинов, похожих друг на друга как две капли воды (*Gesundbrunnen*, *Gropuis Passagen*, *Eastgate* и отремонтированный с иголочки торговый комплекс *Alexa*, зайдя в который вы окунетесь в ад современной жизни!), где ассортимент продаваемого со скидкой хлама даже и товаром не назовешь. В заботах о деталях своих туалетов, не желая подчиняться правилам и желая самоутвердиться, стать единственными и неповторимыми, местные цыпочки присоединяются к шикарному вольеру квартала Митте: плохо одетые, в дешевой, разумеется, одежде, но они всегда редкие птицы и, в конце концов, всегда хорошо выглядят. У Анны, например, каждый день на

ногтях разного цвета лак, ботинки из телячьей кожи мехом наружу (я видела такие же на страницах *Elle* в рубрике «Маст-хэв»¹⁹), она их носит, когда наступает замечательная пора надевать лыжный комбинезон, у Неёле сандалии с заклепками, а у Тессы отливающий разными цветами тюрбан... И когда я встречаю на улице элегантно одетую женщину, я знаю, что это туристка. Но зато когда я впадаю в ступор, видя нечто невообразимое, я могу быть уверена, что это жительница Берлина.

Чудаки в обычной жизни

Это ядро... В буквальном смысле ядро. Элизабет прячет ядро, которое безобразно раздувает бока ее и без того не совсем элегантной сумки-мешка. Теоретически я почти готова принять полотняные сумки. Они экологичны и часто очень мило расписаны дизайнерами, которые воспользовались моментом и захватили рынок. Они входят в девятку самых популярных сумок столицы. Даже Лала Берлин, основательница теперь уже всемирно известной марки одежды, включила их в свою последнюю коллекцию. Но, видимо, в этот вечер сумке Элизабет не удалось побывать в руках искусного стилиста из квартала Митте. Хотя не это главное. Мне не дает покоя странный предмет...

Я ловлю такси. «Встретимся в ресторане, подъеду на велосипеде», – говорит Заза (так ее зовут в кругу друзей). Так вот что она хранит в своей сумке – велосипедный шлем! В кои-

¹⁹ Необходимая вещь, предмет первостепенной надобности.

то веки мы собрались провести вечер вместе в ресторане с модной программой и танцами на закуску, а Заза решила перемещаться по городу на велосипеде.

Она появляется двадцатью минутами позже назначенного времени. С всклоченной шевелюрой и растекшимся макияжем, она вполне готова к тому, чтобы праздновать всю ночь. А почему бы и нет? Фосфоресцирующие полосы на ее шлеме могут выглядеть очень стильно в мерцании стробоскопов...

Триумф винтажа

Никогда не забывать о том, что этот город воссоздали заново... Из кирпичей, разрушенных бомбардировкой домов, которые собирали и очищали от грязи, а потом возводили целые кварталы. Берлинки всегда были асами в распутывании сложных проблем и не хуже магов знали, как найти выход из трудных положений и как из старого сделать новое. И это все время приходится держать в голове, примеряя короткую курточку из каракуля на блошином рынке в Трептове (абстрагируясь от всех тех мест, где ей пришлось побывать, начиная с 1920-х годов). Да, она пахнет затхлостью, у нее шарм много повидавшей вещи, но, скажите, кто мне придаст изысканный вид при моем скромном бюджете? «Каракуль за сухую ерунду», – уверяет продавец, говорящий с польским акцентом, хотя мне пришлось заплатить 80 евро. «Только для вас», – продолжает он. Здесь все находит своего покупателя. Безумная страсть к чему-то единственному, страсть к экспериментированию, к антиконформизму вылилась у жителей столицы в «невроз винтажа». Если только не наоборот.

Розмари сделала из этого бизнес. В ее пещере Али-Бабы на Розенталерштрассе на протяжении вот уже двенадцати лет продается исключительно обувь 1940-1980-х годов. Чаще всего ни разу не надетая. От ботинок на платформе, как в худших клипах Далиды, до лодочек наших любимых ведьмочек, которые обеспечат вам деформацию стопы. У меня до сих пор дрожат пальцы ног при взгляде на них, но тем не менее я преклоняюсь перед Розмари (Иоланда Моро,²⁰ но только в более стройном варианте), потому что эта ничем не примечательная и простая женщина («женщина с улицы», как здесь говорят) является настоящим коллекционером, экспертом, к которому обращается за советом кинематографический микрокосм, когда возникают проблемы с костюмами.

И вот я обзавелась курткой, туфлями, не хватает только платья... Дополнить ансамбль нетрудно, поскольку есть рынок на Аркона-платц, где полным-полно сокровищ с чердаков, сокровищ на сто процентов аутентичного происхождения. А чтобы довершить образ, потребуются очки, наличие которых переполнит меня счастьем. Ай, ай, ай, какая отличная вещь! Очки сегодня являются аксессуаром *маст-хэв* среди ультрамодных жителей Берлина (на турецком рынке Кройцберга один экстравагантный господин под вывеской «Не только в Митте имеют право носить огромные смешные очки» продает их имитацию из картона ярких расцветок). Но в том месте, где я собираюсь купить очки, они стоят дорого – 149 евро за оправу *à la* Мэрилин из фильма «Как выйти замуж за миллионера». Жертва винтажа подвела баланс и отправилась домой.

Разумеется, я, с моим культурным багажом парижанки, привыкла иметь все только самое лучшее, и если речь идет о винтаже, то вещи должны быть шикарными. А вот жительница Берлина, в заботах о создании собственного стиля и желая быть на гребне моды, хочет дать волю фантазии, чтобы продемонстрировать свою индивидуальность, быть оригинальной и не похожей на остальных. Кроме того, у нее мало денег. Берлин – это город полунищих модников и модниц. И в таком случае вполне сойдет желтое платье из коллекции осень – зима из журнала *Sibylle* (аналог *Elle* в его восточном варианте) за 1978 год, а сверху – майка в духе восьмидесятых. Отличный «прикид» для *Club des visionnaires*, и всего за двадцать евро. А можно вообще ничего не покупать.

«У тебя так много вещей, и тебе нечего надеть? У тебя тридцать восьмой?» – спрашивает двадцатидвухлетняя Перла, девушка со странностями, как у принцессы из «Звездных войн», когда она проходила стажировку у факира (длинные серьги в ушах, тату в виде Млечного Пути на предплечье и пирсинг повсюду). Каждый месяц Перла приглашает к себе по

²⁰ Бельгийская актриса и кинорежиссер. Дважды лауреат премии «Сезар» за лучшую женскую роль.

Интернету горстку незнакомок, чтобы провести *Klamottentauschparty*, буквальный перевод – «вечеринка обмена вещами». Этим летом она собирается организовать ее на выходных в кемпинге. В конце вечеринки каждый отправится домой с гардеробом другого. «Сначала у нас меняли вещь на вещь – платье на платье, ремень на ремень и т. д. Но у меня была любимая футболка еще со времен колледжа, и я не хотела ее менять на какое-то барахло, не стоящее и девяти евро в *H&M*. И я ее отдала за пару кед *Converse*. Но отдала скрепя сердце, ведь у нее есть история, в ней я была на концерте Пинк».

На вечеринках Перлы идет подбор вещей, составляются ансамбли, в которых смешивают стили и эпохи, и там пьют много пива. «Эй, маловато за мои сапоги, передай мне еще что-нибудь!» Вообще, на этих вечеринках, которые она проводит в одном из домов жилого комплекса Восточного Берлина, царит импровизированная и немного трэшевая суэта (хотя совсем еще молодая джедайка²¹ в течение нескольких месяцев серьезно преуспела в профессионализме и в их организации). Короче говоря, ее девиз («Если хочешь получить взамен хорошие вещи, то и приноси хорошие вещи») не во многом отличается от девиза таких же вечеринкок берлинской элиты (которые здесь называются *SWAP*). Да, актеры, певцы, диджеи, дизайнеры также вняли призыву винтажа. Надоела куртка *Gucci* или шаль от *Kaviar Gauche*? Отнеси их в бутик, где их оценят и вручат взамен жетоны. И впоследствии на вечеринках в *SWAP Market* ты их обменяешь на другие такие же старые вещи, а все то, что не нашло своего потребителя, достанется случайно заглянувшему в бутик берлинцам. И все это под звуки лучших мелодий техно – и платье от успешного дизайнера Хельмута Ланга в придачу!

²¹ Джедаи – ключевые персонажи «Звездных войн».

Обувь без каблуков – мой ВЫБОР

В Берлине отношение к обуви исключительно прагматическое, и я могу это понять, когда речь идет о зиме: снег, гололедица – в этом случае имеет смысл носить «оковы» на ногах, я имею в виду грубые кожаные ботинки на самой толстой подошве, чтобы гарантировать хорошую изоляцию. Зимой у наших цыпочек-амазонок тон задают высокие сапоги. Но в Берлине и в межсезонье прохладно, поэтому приходится признать, что нет ничего лучше ботильонов из тонкой кожи и на более тонкой подошве или сапог в стиле американских индейцев (они на пике моды в наше время, винтаж 1970-х). Но почему такая нелюбовь к нарядной обуви летом, почему столько приземленности? Звездой теплых сезонов по-прежнему остаются тонги. Хотя сандалии *Birkenstock* тоже не сдают позиций. И если последним коллекциям сандалий, ламинированных и украшенных стразами, удалось перешагнуть через границу с Францией, то Берлин живет и будет, вероятно, долго жить в эпоху сандалий на пробковой подошве (которую можно использовать повторно), модных, удобных, экологических, социально ангажированных (производимых исключительно в Германии, и тайландские дети, якобы привнесшие в столицу эту моду, не имеют к этому никакого отношения). Берлинцы обожают эти сандалии, и пусть эстеты не волнуются, здесь их носят без носков!

Переварив удивление от увиденного, сейчас я готова допустить, что туфли на плоской подошве больше подходят цыпочкам с берегов Шпрее. Скромные и практичные, они полностью соответствуют образу жизни и менталитету птичек, которые все-таки умеют ходить на каблуках, когда в этом возникает необходимость (свадьба, приглашение на коктейль, вечер в Опере). Но большую часть времени они предпочитают в буквальном смысле твердо стоять ногами на земле. А некоторые из них, исповедуя им одним известные убеждения, вообще оставляют свою обувь дома. И не падайте в обморок, если вы когда-нибудь увидите представительниц пернатых, шествующих по улице босиком. Движение, зародившееся в 1970-х годах и отражавшее стремление слиться в единое целое с Землей как планетой, существует и в наши дни, в частности, в так называемых альтернативных кварталах Фридрихсхайн и Кройцберг.

Моя подруга Генриетта не относится к их числу. Скорее кокетка, она может часами стоять перед зеркалом, пытаясь уложить волосы *à la* Жозефина Богарне. Но даже она носит исключительно балетки, кеды *Converse* или ботинки из белой потертой кожи в стиле восьмидесятых. Она объясняет: «Я могу поехать на велосипеде, может быть, мне придется бежать за автобусом или провести полдня на ногах в музее. Так вот, я не хочу мучить свои ноги!» Мир техно также оставил свои отпечатки: в 1990-х годах воцарились кроссовки, и их владычество продолжается. Чтобы проникнуть в *Berghain* – современный храм «электро», – модель *Gazelles rétro* в магазине *Adidas Originals* на Мюнцштрассе сослужит вам хорошую службу. Главное – чувствовать себя в своей тарелке, не сомневаться в себе. Нью-йоркская

нервотрепка по субботним вечерам сразу же поставит крест на вашей берлинской ночной жизни. И, честно говоря, мне нравится эта простота. У вас никогда не возникнет ощущения, что вы недостаточно хорошо одеты. Но, внимание: случается и обратное. О, это страшное ощущение одиночества, которое вас охватывает, когда на пороге квартиры ваших друзей вас просят взглядом снять туфли. Вы пришли в гости нарядно одетой, приподнялись на несколько сантиметров, надели туфли на каблуках, тщательно подобрав их к вашему очаровательному черному платью, и вот вас как будто швырнули на пол, и вы уже кожей ощущаете холод паркета. Итак, решено, мне не известны правила (во имя существующих между нами культурных различий, я думаю, француженку простят), согласно которым я должна была появиться в салоне не в лодочках или ботильонах, а в носках. Хозяева же ходят по квартире в стоптанных домашних туфлях. Это удобно, это просто, и это, наконец, Берлин! В бросаемых на меня косых взглядах главной феминистки вечера сквозит презрение. С ее точки зрения, я – напыщенная девица, помешанная на шпильках.

Но бывают и худшие моменты, когда пригласившие вас хозяева сразу же предлагают пару носков из грубой потрепанной шерсти. Бежевые или коричневые, купленные у кассы в ИКЕА, где они, свернутые в комок, лежали в контейнере среди прочих, эти носки на протяжении многих лет повидали стольких визитеров. «Давай проходи, почувствуй себя как дома!» Предполагается, что приглашение согреет мне душу, но ноги, опутанные спиралью сваливающихся носков, деформированных многочисленными гостями, побывавшими на домашних обедах, чаепитиях с пирожными, днях рождениях, воскресениях накануне Рождественского поста (о, эти неизменные ароматы корицы, доносящиеся из кухни!)... Немецкое гостеприимство в противопоставлении с элегантностью изящных французских лодочек.

Мягкие туфли госпожи графини

Она – преклонных лет графиня из прусской аристократии. Разумеется, разорена: ее состояние было экспроприировано коммунистами после войны, но тем не менее она урожденная фон...что-то там такое и вышла замуж за фон такого-то. Из прошлой жизни она вынесла хорошие манеры. И когда мадам отправляется в город на коктейль, она кладет в свою сумочку небольшой мешочек из бежевого полотна, в котором хранится пара черных балеток, мягких, как домашние туфли, на тонкой и гладкой подошве. И, таким образом, Мадам фон Предусмотрительность никогда не уронит своего достоинства, ступая босыми ногами по паркету.

Можно ли им доверить свою голову?

В первый раз, когда я доверила свою голову Дезире, увлекающейся раста-панком парикмахерше из салона на углу моей улицы, в зеленых митенках на руках и колготках расцветки змеиной кожи, я вцепилась пальцами в подлокотники кресла так сильно, что фаланги побелели. А вдруг она применит свой эстетический кодекс к моим волосам, когда будет с ними работать? Может быть, надо было ей сказать, что я иногда делаю передачи для французского телевидения, и растрепанные пряди, с одной стороны короткие, а с другой – длинные, плохо сочетаются с духом и буквой парижского голубого экрана. Но Дезире уступила всем моим просьбам, и, за исключением ее челки яблочно-зеленого цвета под дредликами, скрученными, как у ирокеза, вдоль головы, у нас с ней оказалось немало общего, и мы мило поболтали (разумеется, это был всего лишь ничего не значащий разговор в парикмахерской, но в глобальном смысле мы с ней во многом были согласны). Но, как бы там ни было, я предпочитаю обслуживаться у ее коллеги в огромных очках-бабочках с внешностью звезды балета. Ее зовут Антя, и ее прическа всегда безупречна: высокий пучок на темени, как у учениц балетной школы, ровно подстриженная челка, перехваченная лентой ярко-оранжевого цвета (цвета флюоресцирующих жилетов рабочих на стройках), которая, казалось, говорит, что ее обладательница не допустит и малейшего проявления расизма. Когда я с ней разговариваю, я понимаю ее лучше остальных, потому что у нее, слава богу, нет пирсинга! А у Дезире, помимо прочих, два кольца с каждой стороны верхней губы (они напоминают бивни моржа), и посеребренный гвоздь в языке – только бы она не вбила мне его в голову... Дезире, Антя или две другие раскрашенные колибри (одна из них блондинка с пережженными волосами и прической *à la* Кортни Лав, а другая – жгучая брюнетка, фанатка упражнения на растяжку, которая каждую неделю меняет стиль). К кому попадешь – это всегда лотерея, все зависит от того, у кого из них нет работы в данный момент. В Берлине, где свобода и спонтанность возводятся в образ жизни, почти никогда не записываются к парикмахеру – в салон просто забегают, проходя мимо, а дальше будь что будет... Или наоборот, как в старые добрые времена, хранят верность одному мастеру. «А как иначе иметь всегда хорошую стрижку?» И это правда, что у моей приятельницы Кати всегда такой вид, будто она только что вышла из парикмахерской: идеально лежащая стрижка «под мальчика», создающая впечатление легкой небрежности. Я наконец получила ответ. Катя повертела перед моим носом мобильником, куда вбит личный номер Кристины, ее парикмахера. Она передала его еще одной нашей подруге, и та теперь звонит Кристине каждые две недели, чтобы подправить челку. За свой труд Кристина, разумеется, получает «вчерную», то есть неофициально. И, таким образом, подрезает не только волосы на голове, но цены тоже! И еще одно замечание: Кристина усложняет жизнь своим клиенткам, поскольку принимает их у себя дома, хотя я знаю множество других мастеров, которые разъезжают по городу вместе со своим инструментом.

Сразу же после родов я пыталась уговорить Антю нанести мне визит. Начала я издалека: «Видишь ли, я не могу, когда захочу, выйти из дому с ребенком на руках, и я не могу записаться к тебе на прием, вдруг моя дочь срыгнет или наступит срок очередного кормления/сна...» Но Антя оказалась непреклонной, хотя я не могу сказать, чтобы она изображала из себя этакую Марию-Антуанетту, которую нужно долго уговаривать и которая, встав на скамеечку, копошится в чужих волосах в своем салоне. Проведя небольшое исследование о том, как живут парикмахеры в Берлине, я выяснила, что Антя – весьма обеспеченный человек. Она работает в маленьком салоне – почти семейный бизнес, – тарифы в котором превосходят все мыслимые пределы: 35 евро стрижка/укладка. Это огромные деньги для Берлина; в этом секторе экономики, как и во многих других, здесь процветает дисконт, и в парикмахер-

ских предоставляют скидки за счет минимизации услуг. Со своими названиями, напоминающими клички роботов (*M-Hairfactory*, *XL Cut*, *Hair Express*, *Hair Killer*), громкой музыкой, как в супермаркетах, креслами с кричащими расцветками, подобные заведения лишили прекрасную профессию душевности и теплоты. Тыходишь (никакой предварительной записи, разумеется), немного ждешь, далее идет мытье головы (шампунями с дешевым фруктовыми ароматизаторами), затем стрижка в течение двадцати минут за 8 – 10 евро, при этом с укладкой придется мучиться самой (правда, для этого предоставляются необходимые средства, но выпутываться в любом случае придется самостоятельно), и вот ты, наконец, покидаешь этот галдящий ад. Результаты всегда бывают разными. Да это и понятно: нищенская зарплата, работа сверхурочно, обучение со скидкой (владельцы салонов часто сами не являются профессионалами-парикмахерами, это обычные менеджеры, которые не заботятся о формировании молодых кадров), и поэтому не приходится ждать от мастеров большого энтузиазма. Парикмахерши – самая низкооплачиваемая профессия в стране; в Германии вообще нет такого понятия, как минимальная заработная плата, и единственный закон, который здесь применим, – это закон джунглей.

Согласно данным профсоюза парикмахеров, час их работы в Берлине стоит 3,38 евро! Чтобы еще больше понизить стоимость стрижки, дисконтные салоны нанимают людей, не имеющих ни опыта работы, ни профессиональной подготовки. Одна моя коллега и тележурналист провела эксперимент: несмотря на отсутствие таланта в этой сфере деятельности, она сразу же нашла работу за 22 евро в день. «Да, это не слишком приятно – вся эта попса, которая действует на нервы, но нигде в другом месте я не найду парикмахера за такую цену – 6,50 евро, – а с моей грошовой пенсией я не могу платить больше», – объясняет одна зрелая матрона, кудрявая, как пудель, выходя из салона *XL Cut de Neukölln*.

Зарабатывая 1600 евро в месяц, Антя имеет все основания для того, чтобы хранить верность своей хозяйке, и всегда найдет время предложить мне массаж головы после мытья. И каждый мой визит к ней начинается с того, что мы где-нибудь усаживаемся с чашкой чая в

руках и обсуждаем состояние моих волос. Заметила ли я какую-нибудь перемену? Стали ли волосы падать больше, чем обычно? Стали ли лучше лежать на затылке после градуированной стрижки, которую мы попробовали в последний раз? Антья запускает руку в мою шевелюру и, придерживая волосы зажимами в нескольких местах, образует надо лбом подобие челки. Она предлагает, я принимаю решение, и только после этого она вынимает ножницы. Я обожаю эти процедуры. А Берлин, таким образом, оказался поделенным на две части – на тех, кто имеет время и деньги посещать мастеров, подобных Антье, и остальных, посещающих дешевые парикмахерские и вверяющих свои гривы в руки непрофессионалов.

Что радует берлинцев, так это неограниченная возможность выбора стрижек и фасонов. Разнообразие затрагивает, разумеется, стиль причесок, хотя у них у всех общий знаменатель: нелепость, странность, вызывающая шок, вплоть до откровенного безобразия. И вот мы добрались до самой сердцевины этого огромного карнавала «парикмахерского мастерства». Несмотря на всю любовь, которую я испытываю к жительницам Берлина, я осмеливаюсь признать, что их стрижки выглядят более чем своеобразно. Нужны примеры? Легко! Коротко подстриженные волосы (то есть наголо обритые) с одной стороны головы и длинные, свисающие пряди с другой – это популярная прическа самых прогрессивных цыпочек, подвизающихся в мире моды, дизайна, техно-музыки или современного танца... Смысл жизни для них сводится к нарушению упорядоченности во всем. Художественный беспорядок на голове лидирует в искусстве наигранного и ложного. «Ты думаешь, я только что встала? Ошибаешься, я провела перед зеркалом целую вечность!»

Соломенные, розовые, голубые и даже зеленые пряди у цыпочек из народных кварталов Восточного Берлина. Фанатки окраски всеми силами добиваются того, чтобы их оттенки бросались в глаза. Что же касается формы стрижек, то она скорее классическая. В противоположность им дамы постарше (40 лет и более) по-прежнему исповедуют культ известной троицы: мягкая химия/длинное каре/челка с филировкой. Или, хуже того, тяготеют к прическе под непроизносимым названием *vokuhila* (от *vome kurz, hinten lang*, то есть «коротко спереди, длинно сзади»); к этому образу стремились футболисты 1980-х, а мы надеялись, что больше никогда этого не увидим за порогом XXI века.

Короткие волосы наподобие мужских стрижек характерны для феминисток и лесбиянок. Я имею в виду не «стрижку под мальчика», а стрижку «как у мальчика», и, несмотря на использование геля, волосы при таких стрижках редко бывают хорошо уложенными. (Из достоверных источников мне известно, что некоторые сами себе стригут волосы при помощи машинки для стрижки волос.)

Взбитые и обильно покрытые лаком коки и львиные гривы, которые иногда украшаются мелкими перламутровыми жемчужинами или стразами, популярны в среде эмигранток. Они – королевы выпрямления вьющихся волос и маркизы английских локонов (в том случае, если волосы прямые). Таких Шакир или Бейонсе можно в великом множестве встретить на бульварах Веддинга или Нойкёльна.

Гребни, дреды, ирокезы встречается в среде поклонниц панк-культуры и симпатизирующих крайне левым. В Берлине и сегодня еще можно увидеть торчащие в разные стороны волосы, уложенные, как в старые добрые времена, при помощи крепкого сахарного сиропа и, если это возможно, окрашенные. Цвет фуксии считается признаком хорошего тона, но бывают и черные, как агат, расцветки или, например, леопардовые (темные пятна на светлом фоне там, где волосы редкие, например на висках).

Но как им приходят в голову подобные фантазии? Я часто задаю себе этот вопрос, когда в качестве настоящей жительницы Берлина, какой я, впрочем, стала, езжу по городу летом на велосипеде или в метро зимой. Естественно, встречаются и абсолютно банальные прически – берлинки считаются большими мастерицами в минималистском искусстве того, что называется «взмах расчески по волосам, и готово». Внимание, я совсем не имею в виду

тщательно проработанный художественный беспорядок на голове, свойственный полуночницам из *Club des visionnaires* или горстке журналисток, работающих в мире фэшн-индустрии, которых в июле можно встретить на модных показах. Нет, я говорю о небрежности, о наплевательском отношении как к собственным волосам, так и к внешнему облику в целом. Главное для многих берлинок – практичность и удобство. К счастью, подобная политика опрощения широко компенсируется вышеописанными тенденциями, где превалируют доведенные до крайности странность и необычность, свойственные остальным жительницам столицы. Дело дошло до того, что многие из них самостоятельно орудуют ножницами, экспериментируя над волосами, и называют себя «стилистами». Виртуозы ножниц и машинки для стрижки волос, добро пожаловать в великую круговерть мира причесок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.